Не ждите меня в Монте-Карло

Автор:
Галина Куликова

Не ждите меня в Монте-Карло

Галина Михайловна Куликова

Несерьезный детектив Галины Куликовой

Кто не хочет отправиться в путешествие на гигантском круизном лайнере! А что, если вы попали на него не по доброй воле? И должны играть чужую роль, чтобы скрыться от жестокого убийцы?

Делая очередной репортаж для своего журнала, Вероника Ивлева заблудилась в дремучем лесу. С этого момента жизнь ее стремительно понеслась от одного приключения к другому. На свадьбе лучшей подруги ее угостили снотворным и погрузили на теплоход, плывущий по Волге. Пытаясь выяснить, кто все это подстроил и зачем, Вероника неожиданно оказалась на волосок от смерти – незнакомец попытался ее убить. Чтобы остаться в живых, девушке пришлось спасаться бегством. Вероника решила, что уж на круизном судне в Средиземном море ее никто не найдет. Ах, как же она ошибалась!

Галина Михайловна Куликова

Не ждите меня в Монте-Карло

Моей сестре Сабине

с любовью и благодарностью за неоценимую помощь и поддержку

© Куликова Г.М., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Когда дверь рабочего кабинета открылась, Вероника не шевельнулась и ничем не выдала свою заинтересованность. Она рассчитывала, что сейчас начнется светопреставление, но – нет, ничего подобного. Прошло секунд двадцать, дверь снова закрылась, и наступила тишина. А потом там, снаружи, в коридоре, послышался голос Святослава:

– Это вы новый корреспондент?

– Да, совершенно верно, – ответил другой голос, незнакомый. Звучал он неуверенно.

– За этой дверью ваше рабочее место, можете войти и…

– Я уже входил, – ответил невидимый корреспондент. – Там на полу лежит женщина.

– Где лежит?!

Вероника представила, как красавец Святослав наморщил лоб и расширил глаза, в которые с робкой надеждой заглядывали все девушки редакции. Вероника, как это ни прискорбно, тоже заглядывала, но Святослав ловко отбивал подачи. Как она и предполагала, дверь немедленно распахнулась снова, громко стукнулась о стену и завибрировала.

– Заходите, заходите, не бойтесь. Она живая.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– А почему она тут лежит?

– Думаю, в знак протеста. Ее только что уволили. Она считает, что незаслуженно.

Вероника почувствовала, что глаза обожгло слезами, но даже не шевельнулась.

– Если вы обратили внимание, – продолжал Святослав, – лежит она на спортивном коврике. Так что это не настоящий протест, а профанация. Как вас зовут?

– Николай. Коля.

– Так вот, Коля. Вполне может статься, что бывшая коллега просто пытается привлечь к себе мое внимание. Она почему-то считает, что я способен повлиять на руководство и упросить главного редактора взять ее обратно. Или она вообразила, будто я ради нее подниму мятеж и призову всех к оружию. А потом женюсь на ней.

Тут уж Вероника не выдержала. Она открыла глаза, села на своем коврике и возмущенно воскликнула:

– Это ты потащил меня в дурацкую командировку в дурацкий Вепсский лес! Ты и твой оператор! Вы завели меня в болота и потеряли. Я двое суток провела по колено в воде, питаясь грязной клюквой и отбиваясь от пиявок. Я чуть не умерла от разрыва сердца. А меня за это уволили!

– Тебя не за это уволили, – ответил Святослав, который стоял прямо напротив, возле самых ее пяток, и выглядел примерно как скандинавский бог, каким его представляют создатели голливудских фильмов. Одна его светлая курчавая борода чего стоила.

– А за что? – угрюмо спросила Вероника, которая на самом деле улеглась на пол, чтобы заняться своей заветной пятнадцатиминутной медитацией. Медитация помогала снять стресс и привести чувства в равновесие.

Чувств было много. Так много, что в них можно было утопить целую Атлантиду. К своим тридцати годам Вероника, занимавшаяся рутинной репортерской работой, повидала достаточно мерзостей жизни. И готова была смириться с чем

угодно. Вывести из себя ее могло только одно – несправедливость. А с ней совершенно точно поступили несправедливо. И Святослав это прекрасно знал.

– Помочь вам подняться? – робко вякнул новый корреспондент, который все это время стоял в сторонке.

Вероника перевела на него горгоний взгляд, от которого у неподготовленных граждан кровь в жилах сворачивалась, как скисшее молоко. Корреспондент оказался щуплым, с большой кудлатой головой и тонкими ручками. Сейчас он был удивительно похож на пуделя, поджавшего хвост.

– Пусть вот он меня поднимает, – Вероника подбородком указала на Святослава.

Тот усмехнулся, протянул руку и сказал:

– Слушай, Ивлева, прекращай свои концерты. Тебя уволили, и сделать тут совершенно ничего нельзя. Я понимаю, ты думала, что после случившегося тебя все будут жалеть, плясать вокруг тебя, дадут тебе внеочередной отпуск или, может, даже премию…

Вероника и в самом деле так думала. Некоторое время назад ей поручили сделать большой материал о деревне колдунов Нойдале, которая находится в Ленинградской области, в Вепсском лесу. Правда, оказалось, что никакие колдуны там не живут, и вообще никто не живет, потому что стоящая среди болот деревня давно заброшена. Окружавшие ее болота имели дурную славу, на них пропала уже куча народу. Некоторые исчезали бесследно, а других находили мертвыми, при этом все покойники были абсолютно голыми. Хотя люди умирали ненасильственной смертью, никому до сих пор так и не удалось объяснить, что заставляло их сбрасывать с себя одежду.

Предполагалось, что Вероника поездит по соседним жилым деревням, поговорит с людьми о творящихся в округе чудесах, а в итоге сочинит какую-нибудь историю в духе «Собаки Баскервилей». Но прямо накануне ее командировки на тех самых болотах снова произошло несчастье – пропал какой-то крупный чиновник, непонятно, за каким бесом забравшийся в заповедные места. После этого Вероника потребовала от руководства подкрепления, и тогда к ней прикомандировали еще двух сотрудников: Святослава, считавшегося в редакции самым головастым, и оператора, призванного снять все ужасы Вепсского леса на

камеру.

Но в этой командировке с первых минут все пошло не так. Начать с того, что до Нойдалы оказалось невозможно доехать даже на «джипе». Бросив машину в ближайшем поселке, маленький отряд журналистов отправился к цели своего путешествия пешком. Почти десять километров им пришлось идти по бездорожью, и когда они наконец добрались до места, Вероника совершенно скисла. Тогда мужчины оставили ее сидеть на пеньке и приходить в себя, а сами решили поснимать общие планы, пока не село солнце.

Вероника довольно быстро оклемалась и немедленно полезла в один из брошенных домов. Потом полезла в другой дом, в третий, потом решила сделать пару снимков на память с какого-то холмика… И непонятно как потерялась. С собой у нее не было ровным счетом ничего: ни еды, ни воды, ни даже зажигалки, один только разряженный телефон. Двое суток она бродила по заболоченному лесу, пока не вышла к озеру, на берегу которого стояла хижина. В этой хижине наутро ее нашел местный рыбак, на груди которого Вероника выплакала два ведра слез и которому совершенно точно сильно помяла ребра, когда душила его в объятьях. Того страха, какого она натерпелась за две ночи в дремучем лесу, Стивену Кингу хватило бы на десять жутких романов.

Увидев ее живой, Святослав с оператором орали так, что им стало отвечать какое-то эхо – наверное, с Урала или с Гималаев. Из-за того, что они смотрели на нее волками, обратный путь превратился в кошмар. Хорошо еще, что до места, где они оставили свою машину, их довезли местные мужики, резво разъезжавшие по колдобинам и ухабам в железных коробках, поставленных на огромные самодельные «дутики».

Как только заработали телефоны, с отрядом связался главный редактор, который тоже орал на Веронику и ругался при этом такими словами, каких джентльмены никогда не употребляют в общении с противоположным полом. Главный велел всей команде немедленно явиться в редакцию, вот прямо немедленно, иначе расстрел. Дурацкий оператор, сидевший за рулем, не посмел ослушаться приказа и сразу поехал на работу. Грязная, измученная, раздавленная случившимся Вероника была первой вызвана на ковер и уволена прямо в первую минуту разговора.

А теперь вот Святослав заявляет, что ее вышвырнули вовсе не из-за того, что она потерялась, выбив всех из графика и пошатнув редакционный бюджет.

Поэтому когда он поднял ее с пола, сильно потянув за руку, она тут же подбоченилась и спросила:

– Выходит, ты знаешь, за что меня уволили?

Святослав нахмурился, обошел Веронику и, пнув ногой коврик, на котором она медитировала, сел на вращающийся офисный стул. Ткнул пальцем в другой стул, предложив сесть и Николаю. Зная, что Веронику усаживать бесполезно, ей он ничего предлагать не стал, а сложил руки на груди и, тяжело вздохнув, объяснил:

– Твое сольное выступление на болотах было всего лишь удобным поводом для того, чтобы избавиться от тебя и освободить место для кое-кого другого. Не дергайся, Коля, речь не о тебе, у тебя неинтересная зарплата и нет папы-депутата, так что сиди тихо. Можешь пока разложить по ящикам стола свои блокноты и диктофоны или поточить карандаши.

Вероника, у которой был на диво высокий «айкью», хорошо разбиралась во многих вещах. Но когда дело доходило до подковерных игр, тут она становилась тупой, как старый топор.

– Но почему я? – спросила она, не сдержавшись и топнув ногой. – Скажи, я что, плохо работала?

– Ты отлично работала, – заверил ее Святослав. – И если это тебя утешит, я как глава отдела очень расстроен, что теряю такого безотказного сотрудника. Не знаю, кем я буду теперь затыкать все дыры. Ты настоящий репортер, ни разу не спасовала перед трудностями.

– Твои дифирамбы мне зарплату не заменят, – огрызнулась Вероника, хотя в душе была польщена его словами.

Коля, погремев карандашами в ящике, робко спросил, есть ли в редакции кофеварка. После чего тихонько улизнул из кабинета, оставив бывших коллег один на один.

Святослав смотрел на Веронику с состраданием. Ему и в самом деле было жаль с ней расставаться. Если бы не пытливый взгляд и неистребимое дружелюбие, Веронику вполне можно было бы назвать прелестной девушкой. Однако природа подарила ей не только большие ясные глаза, копну светлых волос и прекрасную фигурку, но еще и горячую голову. Поэтому чаще всего она сверкала, как бенгальский огонь, заставляя мужскую половину редакции любоваться ею издали. Кроме того, Вероника не умела кокетничать и обладала удивительной способностью мгновенно превращаться в «своего парня», с которым совсем неинтересно флиртовать.

– Честно, Вероника, я сделал, что мог. Но все было решено заранее. – Святослав поднялся со своего стула. – Давай я отвезу тебя домой.

– Я не еду домой, – помотала головой та.

– Да как же не едешь? – опешил Святослав. – Тебе что, не хочется в ванну? А потом под одеяло?

– Мне срочно нужно в Кипелково.

– Куда-куда? – Святослав потешно вытянул шею. – В Кипелково? Это сколько ж верст от Москвы?

– Много, – ответила Вероника, думая о том, что они со Святославом теперь смогут увидеться только случайно. Остаются, конечно, звонки и переписка, но это ведь не настоящее общение, а так – игровой симулятор.

– Ты ведь это несерьезно? – Святослав посмотрел на нее с тревогой, пытаясь осознать, что она в самом деле не шутит.

– Моя лучшая подруга выходит замуж, – коротко пояснила Вероника. – Самая-самая лучшая. Как ты понимаешь, я не могу пропустить ее свадьбу. Свадьбу устраивают в дачном поселке, а поселок находится в Кипелково. И я уже катастрофически опаздываю.

– Так ты подружка невесты? – сообразил Святослав. – На чем планируешь добираться?

– На электричке, конечно. На такси получится дорого. Я же теперь безработная, мне надо экономить.

Святослав вздохнул и обернулся к окну. Там, снаружи, августовское солнце выжигало город, заливая ультрафиолетом улицы и закоулки. Над шоссе висел бензиновый чад, неподвижные деревья с темной листвой напоминали пластиковые аквариумные растения.

– Я отвезу, – сказал он не допускающим возражений тоном.

У Вероники сжалось горло. Она поняла, что еще не переварила произошедшее и находится в шаге от полноценной истерики. Пятнадцатиминутной медитацией тут явно не обойтись.

– Чего это вдруг? – спросила она угрюмо. Угрюмость была нужна ей для того, чтобы не разрыдаться прямо тут, в кабинете.

Святослав почесал голову, подергал себя за бороду и еще раз посмотрел в окно.

– В знак скорби, – наконец сообщил он. – Потому что тебя несправедливо уволили и мне тебя жалко.

* * *

– Слушай, – сказала Вероника, поглядев на Святослава искоса. Он рулил, а она сидела рядом, мысленно благословляя климат-контроль и наслаждаясь прохладным воздухом. – Мы больше не будем работать вместе, не будем разъезжать на машинах или торчать в круглосуточных кафе…

– И что? – спросил тот удивленно.

– Да просто странно.

Они помолчали, а потом Святослав вдруг задал новый вопрос:

– Знаешь, Ивлева, почему я не отвечал на твои чувства?

– Какие чувства? – перепугалась она.

Вот уж чего она точно не ожидала, так это разговора по душам. Да и вообще разговор по душам с одинокой девушкой – это как спичка, зажженная над сухим сеном. Все может закончиться воспламенением и большим пожаром.

– Да ладно, не прикидывайся, – Святослав усмехнулся. – Во-первых, я не дурак, а во-вторых, ты особо не скрывала.

Вероника открыла было рот, но потом снова его закрыла. У нее не хватило смелости сказать, что это скорее была игра, чем настоящее чувство. Просто флирт и ничего больше. В конце концов, у нее самый что ни на есть «кадрильный» возраст, как говорила бабушка. А как не обратить внимания на парня с такой потрясающей внешностью, да еще и умного?

– Так почему ты не отвечал? – спросила она, напряженно глядя в окно. – А вообще-то вопрос глупый. Наверное, я тебе не нравлюсь.

– Как ты можешь кому-то не нравиться, Ивлева? Ты ж хорошенькая, как зараза. Глазищи – во, а твоим волосам все наши девицы завидуют. Ответсек тебя вообще за глаза Златовлаской называет.

Конечно, Вероника знала, что она и в самом деле хорошенькая. Но ей всегда казалось, что задорное выражение лица делает ее природную красоту какой-то несерьезной.

– Ты мне очень нравишься, Вероника, – добавил Святослав абсолютно неромантичным тоном. – Но…

– Дьявол кроется в союзе «но».

– В твоем присутствии меня одолевает какое-то тревожное беспокойство, – продолжил Святослав, бросив короткий взгляд в ее сторону. Его руки несколько раз перехватили руль, словно иллюстрируя высказанную мысль. – Как будто я должен что-то сделать. Что-то значительное. Родить потрясающую идею, найти выход из положения, сочинить стих.

– Я именно так на тебя действую? – удивилась Вероника. – Созидательно?

– Однажды я уже женился на сложносочиненной девушке, и это сильно испортило мне жизнь. Так что больше я сложностей не хочу. Если я еще раз заведу серьезные отношения, то с кем-нибудь простым и понятным, без двойного дна.

– А ты что, был женат? – поразилась Вероника, пропустив мимо ушей неинтересные ей «если». – В редакции даже сплетен никаких не ходило. Просто удивительно. Мне казалось, я тебя хорошо знаю…

– Это правда, знаешь. И я тебя хорошо знаю. Знаю, как ты будешь реагировать, если вдруг начнется потоп или если мы застрянем в пробке. Знаю, что ты любишь пиццу с грибами, капучино и не пьешь водку, потому что после нее с тобой начинает происходить страшное. Но при этом я не знаю ничего о том, где ты родилась, где училась, кто твои родители…

– Если смотреть с этой стороны, то я действительно сложная девушка, – ухмыльнулась Вероника. – Мои родители хиппи. Мама уже умерла, а отец все еще коптит небо, периодически звонит мне то из Индии, то из Вьетнама, то с Алтая.

– Да ладно, – не поверил Святослав. – В моем представлении «дети цветов» – это дремучая старина. Вудсток в каком году был, в шестьдесят девятом?

– Ну, они же не вымерли, как мамонты, – пожала плечами Вероника. – Хотя сильно изменились. Живут в экологических поселениях, стараются не вредить окружающей среде, и если изменяют сознание, то только при помощи йоги.

– Ты что, выросла в экологическом поселении? – Святослав в самом деле был поражен.

– Да нет, меня сразу отдали бабушке. Она меня и воспитала. Если бы не бабушка, из меня получился бы типичный бомж: у родителей вообще ничего не осталось, даже сараюшки какого-нибудь, не говоря уж о столовом серебре и прочем наследстве. – Вероника повернулась и посмотрела на Святослава с подозрением. – Только ты не подумай, что я распинаюсь тут для того, чтобы ты узнал меня получше и женился на мне.

– Да какой там жениться, теперь мне хочется тебя удочерить, – покачал головой Святослав. – Значит, ты живешь с бабушкой?

Вероника вздохнула, лицо ее затуманилось.

– Бабушка умерла в прошлом году, так что теперь моя единственная семья – это две суперподруги, Маринка и Николь. С Маринкой мы вместе учились в школе, а когда она поступила в иняз, то познакомилась там с Николь. И меня с ней познакомила. С тех пор мы не разлей вода.

– Какое красивое имя – Николь, – прокомментировал Святослав.

– Сама подруга тоже очень красивая, поверь мне, – улыбнулась Вероника. – Хотя тебя красивыми девушками, конечно, не удивить.

– Ну, ты уж не делай из меня Марлона Брандо, – хмыкнул ее добровольный водила.

– У Никольки биография еще покруче моей. – Вероника чувствовала, что ее несет, но решила не останавливаться. Почему-то на прощание ей хотелось поделиться с ним личным, остаться в его памяти не просто Ивлевой, безотказной и работящей, а девушкой, которую он знает хоть немного лучше других.

– Так ты говори, я слушаю, – подбодрил ее Святослав и, кажется, даже сбросил скорость. Наверное, чтобы она успела рассказать все, что хотела, до прибытия в пункт назначения.

– Родители Никольки погибли, когда ей только пятнадцать лет исполнилось. И это был конец всему. Ее отец служил дипломатом, и жили они практически безвылазно за границей. Николь занималась языками, музыкой, балетом… И все, что детям привилегированного класса положено, у нее было. А потом вот, трагедия… Сначала ее забрали к себе дальние родственники. Только Николь их совершенно не интересовала, а интересовали деньги ее семьи. Такие оказались хитрые и деятельные мерзавцы, разворовали Николькино наследство до копеечки. К счастью, их потом все же посадили в тюрьму, а подругу мою отправили в интернат.

– И как она сейчас? – спросил Святослав. – Справилась? Для ребенка пережить такое…

Веронике было приятно его сочувствие.

– Николька сильная. В восемнадцать она поклялась вернуть себе положение в обществе и, знаешь, преуспела. Одна, буквально с пустого места создала языковую школу. Называется «Люксовый английский». Может быть, ты еще услышишь это название. Николька столько сил вложила в свой проект…

– Это она выходит замуж? – уточнил Святослав.

– Нет, замуж выходит Маринка. Вот на Маринке даже ты бы женился без звука, – с энтузиазмом воскликнула Вероника. – Она такая… Такая хорошая! Умная, правильная, рассудительная…

– Блондинка? – шевельнул бровью Святослав.

– Шатенка. У нее коса до пояса, как у настоящих русских красавиц. И внешность невероятная, щеки – кровь с молоком!

– Поздно уже расхваливать, твоя Маринка на пороге ЗАГСа. Вот если бы ты меня раньше с ней познакомила…

– О, да мы уже приехали! – прервала его Вероника. – Быстро долетели, у меня даже останется время почистить перышки. – Она опустила козырек от солнца, в который было вставлено зеркальце, посмотрела на свое отражение и ахнула: – Боже, на кого я похожа?! Комары просто сволочи, испортили всю мою красоту! Морда исцарапана…

– Да уж, видок у тебя, прямо скажем, не фонтан. С другой стороны, подружка невесты и не должна хорошо выглядеть, чтобы не перетягивать на себя внимание гостей.

– Вот спасибо, успокоил.

Святослав припарковал машину прямо на дороге возле большого каменного дома о трех этажах, огороженного низким забором.

– Ничего себе дачка, – проворчал Святослав. – А родители невесты, они кто?

– У Маринки только отчим, дядя Боря, – сообщила Вероника. – Он работает в Министерстве обороны.

– А в каком кресле он там сидит?

– Слушай, я не знаю. Здесь я не журналистка, ясно? В конце концов, должна же у меня быть личная жизнь?

– Понял, зауважал, – сказал Святослав и поставил машину на ручник.

Девушка выбралась из салона и шумно выдохнула. На улице было очень жарко, солнце неподвижно лежало в кроне огромной липы и медленно таяло, как шарик бананового мороженого. В придорожных канавах стрекотали цикады, да так громко, будто понимали, что в честь свадьбы надо стараться изо всех сил.

Вероника стала вглядываться в толпу нарядных гостей, которые бродили по огромному участку с бокалами в руках, и сразу увидела Николь. Подруга тоже ее заметила и приветственно помахала рукой.

– Ого, – длинно присвистнул Святослав, едва не прищемив себе руку дверцей. – Когда ты говорила – красивая, я думал, это дружеское преувеличение.

– Да, Николь тебе не какая-нибудь дохлая треска с подиума, – с гордостью произнесла Вероника.

Николь уже торопливо шла к их машине – высокая, грациозная, созданная из одних только легких атомов. Несмотря на акварельную нежность облика, длинные золотистые волосы и светло-серые глаза, на самом деле она была опьяняюще живой и сильной. Может быть, подруга и не заняла бы первое место на всемирном конкурсе красоты, но там, где она проходила, жены брали своих мужей за локоть и разворачивали лицом к себе.

– Знаешь, какая мысль вдруг пришла мне в голову? – спросил Святослав, не отводя глаз от приближающейся девушки.

– Знаю, – Вероника с насмешкой посмотрела на него. – Ты хочешь стать моим лучшим другом, чтобы участвовать в наших девичниках.

– Нет, я все-таки не такой наглый, – скромно возразил Святослав. – Пока что я просто решил не уезжать домой немедленно, а остаться на подольше. Как думаешь, меня покормят?

– Могу замолвить за тебя словечко, – повела бровью Вероника.

Тем временем Николь подошла достаточно близко, чтобы разглядеть подругу как следует. Разглядела и ужаснулась:

– Ой-ой, у меня просто нет слов! Тебя что, душа моя, инопланетяне похитили?

– Она заблудилась на болоте, – сообщил Святослав хриплым бархатистым голосом, который Вероника слышала у него до этого момента всего один раз: когда он брал интервью у приехавшей в Москву Дуа Липы. – Мы ее еле нашли.

– Вы меня вообще не нашли, – бросила Вероника через плечо. – Если бы не тот дядька с удочкой, меня бы съели медведи или, на худой конец, свирепые барсуки.

– А нам она сказала, что просто задержалась в командировке, – Николь поцокала языком. – Да… Теперь я вижу, что ты сидела в болоте. И пахнет от тебя тиной. Хм, тут надо что-то придумать.

– Кстати, это Святослав, – спохватилась Вероника. – Мой бывший коллега.

– А почему бывший? – удивилась Николь.

– Ее сегодня уволили, – любезно объяснил коллега, слегка ошалевший от близости столь великолепного создания природы.

– Да, меня уволили. Но мы обсудим это потом, – решительно заявила Вероника. – Где Маринка?

– В своей комнате, одевается. Пойдем скорее, предстанешь пред ее светлыми очами. А то она уже вся испереживалась: успеешь ты к началу церемонии или нет.

– Я успела только благодаря этому великодушному парню. – Вероника точно знала, что Святослав оценит ее слова по достоинству. – Если бы не он, я бы приехала только к вечеру. За это его нужно накормить.

– Раз нужно, накормим, – ответила Николь. – Давайте, шагайте за мной. И не отставайте!

Святослав взял Веронику под локоть и, делая вид, что помогает ей спуститься по тропинке к воротам, вполголоса спросил:

– А твоя Николь с кем-нибудь встречается?

Вероника чуть не покатилась со смеху. Мужики – они и в Африке мужики.

– А то, конечно, встречается.

– С кем? – спросил Святослав ревниво.

– С сыном миллионера. И это не шутка.

Бедняга мгновенно сдулся. Будь ты хоть сто раз скандинавским богом, если сидишь на репортерской зарплате, шансов побить сына миллионера у тебя никаких.

Когда они добрались до крыльца, Николь перепоручила Святослава попавшейся по дороге распорядительнице, а Веронику ухватила за руку и потащила за собой в дом. Дом был похож на сказочный дворец, который снаружи выглядел обыкновенным, а внутри оказался невероятным. И огромным – с деревянными лестницами, пахнувшими кедровым маслом, с туманными старинными зеркалами и иранскими шелковыми коврами. Хотя Вероника уже и раньше здесь бывала, но

не могла в очередной раз не поразиться великолепием обстановки. И ей вдруг впервые стало интересно, какое же на самом деле кресло занимает дядя Боря в Минобороны?

Не успев сделать и нескольких шагов, подруги неожиданно наткнулись на жениха, который бродил по коридорам с лицом человека, заблудившегося в пустыне и утратившего надежду на спасение.

– Костик, поздравляю! – Вероника взяла его безжизненную руку и с чувством потрясла. – Я так за вас рада.

– Спасибо, – пробормотал пришибленный Костик. А потом шепотом спросил: – Вы к Марише идете? Можно мне с вами?

– Нельзя!!! – хором воскликнули подруги.

– С ума сошел? – гневно топнула ногой Николь. – Хочешь махнуть рукой на примету и испортить всю семейную жизнь?

– Н-нет, не хочу портить, – проблеял жених. – И тут же возмущенно добавил: – Я самое бесправное существо на этой свадьбе. Мне ничего нельзя! Невесту видеть нельзя, алкоголь нельзя, есть – и то нельзя.

– А есть-то почему нельзя? – опешила Николь.

Изображая явно кого-то из тетушек, Костик прогундосил:

– А вдруг живот заболит? А вдруг испачкаешь костюм?

У него была простецкая морда, нечеловечески добрая душа и удивительное отсутствие характера. Для девяносто девяти процентов женщин он был не вариант, а для Маринки Болотовой – самое то. Именно Маринка собиралась стать характером Костика.

– Знаешь что? Возьми свой мобильный и отправляйся фотографировать гостей, – нашлась Николь. – И еще делай сто тыщ селфи. Ты же знаешь, как Маринка обожает фотки, она просто обалдеет от твоей инициативности.

– Слушай, ты здорово придумала, – обрадовался Костик. – А давайте я сначала с вами сфотографируюсь.

– Со мной не надо, – категорически отказалась Вероника. – Я не хочу, чтобы потомки запомнили меня вот такой, с лицом, исцарапанным бузиной. В общем, вы идите фоткайтесь, а я пока вот на ступеньках посижу. Мне тут из редакции какие-то сообщения шлют, надо разобраться, в чем дело.

– Только никуда не уходи, – строго приказала Николь. – Я через пять минут вернусь.

– Ладно, ладно, – отмахнулась Вероника и уткнулась в телефон.

Ответственный секретарь прислал ей длинный текст, из которого следовало, что ее хлопки дверью ничего не значат и что никто не отменял ее давно запланированную командировку в Крым. Отъезд был назначен на завтра.

Вероника немедленно ответила, что главный редактор при свидетелях приказал ей выметаться без всякой отработки. Он заявил, что трудовой договор позволяет ему уволить ее немедленно и что именно это он и делает. Поэтому она ушла – и баста.

Из следующих посланий ответсека стало ясно, что редакция рассчитывает на ее сознательность и журналистскую ответственность, потому что автопробег на ретроавтомобилях кроме нее освещать больше некому. Гостиницы по пути следования для нее забронированы, деньги на поездку выделены, а экипаж «Чайки» ГАЗ-13 тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года выпуска готов взять ее пассажиркой. Так что – никаких отговорок.

Вероника долго искала смайлик, который означал бы сардонический смех, но ничего не нашла. Тогда она начала сочинять достойный ответ на словах, и в этот момент услышала очень громкий сердитый голос. Кажется, он принадлежал Маринкиному отчиму дяде Боре. У Вероники упало сердце. Ей совершенно не хотелось, чтобы такой замечательный день омрачился скандалом. Да с кем дядя Боря может ссориться?

А вдруг… А вдруг он разговаривает с Васькой Кисляковым?! Васька вполне мог припереться сюда, чтобы устроить какой-нибудь тарарам в духе фильма «Выпускник» с Дастином Хоффманом.

Васька Кисляков был бывшим Маринкиным бойфрендом, который влюбился в нее до беспамятства и долго добивался взаимности. Подруга начала встречаться с ним из жалости и желания почувствовать себя королевой. Однако вместо верного пажа получила на свою голову жуткого нытика, который время от времени превращался в атомного ревнивца, способного бить о стены горшки с традесканциями и выбрасывать из окон домашнюю утварь. Маринка бросила Кислякова два года назад, но тот повадился то и дело нарушать ее личное пространство, появляясь то тут, то там и нагоняя на нее страх своим демоническим видом. Ни уговоры, ни угрозы на него не действовали.

Вероника тут же решила, что, если это в самом деле Кисляков, она непременно вмешается и просто придушит его собственными руками. Вскочив на ноги, она быстро шагнула к приоткрытой двери, из-за которой доносился гневный голос, но тут же притормозила.

– Я знаю, что по телефону такой вопрос не решишь, – раздраженно произнес Маринкин отчим. – Но у меня сейчас совсем нет времени, понимаешь? Вот совсем нет.

Вероника облегченно выдохнула. Нет, конечно, это не Кисляков. Придет же в голову! Словно подтверждая ее мысли, Борис Анатольевич Болотов вышел из комнаты в коридор в сопровождении невысокого смуглого человека. Был он седовлас, несколько грузен, но все еще по-военному подтянут. На его фоне второй мужчина выглядел настоящим коротышкой. Однако, несмотря на незавидный рост, держался Наполеоном, а глаза у него были темными и обжигающе злыми.

– Ага, подружка невесты! – воскликнул Борис Анатольевич, увидев стоящую посреди коридора Веронику. – Доча беспокоилась, вернешься ли ты из своей командировки вовремя. Вижу, что успела, молодец.

– Здравствуйте, дядя Боря, – Вероника празднично улыбнулась, хотя смуглый незнакомец почему-то ее смущал. Вероятно, потому, что на нее он смотрел без всякого интереса, как на фантик от конфеты, валяющийся на дороге. Ему явно

хотелось как можно быстрее перешагнуть через этот фантик и снова заняться важными делами.

– Ну, давай, отдыхай, развлекайся, – Маринкин отчим похлопал Веронику по плечу и двинулся в сторону веранды. Коротышка последовал за ним, так и не сказав ни слова.

Как только они скрылись из виду, словно из ниоткуда в коридоре появился Святослав. В руке он держал обкусанный пирожок, который сладко пах капустой и вареным яйцом.

– Обещали накормить-напоить, – громко пожаловался он, – а потом бросили. Пришлось самому добывать себе пропитание. Хорошо, что на кухне работают девушки. А девушки, как ты знаешь, от меня без ума.

– Современные девушки вообще без ума, – ответила Вероника. – Ты тут совершенно ни при чем.

– Слушай, а с кем ты сейчас тут разговаривала? – поинтересовался Святослав, продолжая увлеченно жевать.

– С отчимом невесты, хозяином этого дома… С дядей Борей.

– Ага, именно таким я его себе и представлял. Солидный дяденька. А второй, маленький? Наверняка тоже военный. Хоть он и в штатском, но невидимые погоны так и горят на его плечах. Надо будет узнать, кто таков.

– Зачем тебе? – удивилась Вероника.

– Да ни за чем. Ты забыла, что я репортер? Люблю собирать и классифицировать информацию. Личные впечатления в нашей с тобой работе тоже очень важны.

– Ну-ну, – сказала Вероника. – Кстати, мне тут ответ-сек написал. Желает, чтобы я завтра отправилась в Крым.

– Так поезжай, – ткнул в ее сторону пирожком Святослав. – Хоть какие-то деньги получишь.

– После всего, что сегодня было? Ни за что, – с негодованием воскликнула Вероника. – Пусть застрелятся.

Тут в конце коридора возникла Николь. Она торопливо шла к ним и весело улыбалась. Святослав, увидев ее, немедленно проглотил все, что было у него во рту, и спрятал за спину испачканные маслом руки.

– Ну, все нормально, – еще издали объявила Николь. – Жених при деле, и настроение у него явно улучшилось. Теперь двигаем помогать невесте. Хорошо, что ты никуда не ушла, душа моя, и не пришлось бегать, тебя разыскивать.

– Я за ней следил, – сказал Святослав тоном дебила, каким практически все без исключения мужчины разговаривают со сногсшибательными девушками.

– А вас, дорогой друг, мы взять с собой не можем, – снисходительно улыбнулась Николь. – Невеста еще без платья, и кто ее увидит – тому глаз вон. Идите в сад, там полно шампанского.

– И еду дают? – поинтересовался Святослав.

– Можно подумать, это ты два дня голодал на болотах, – не выдержала Вероника, которую подруга уже тащила вверх по лестнице. – У тебя только еда на уме.

Впрочем, в следующую секунду она уже забыла о Святославе, предвкушая встречу с Маринкой. Николь подошла к ее комнате первой и, распахнув дверь, радостно закричала:

– Тук-тук! Мы пришли! Кого тут выдают замуж?

Маринка стояла перед большим зеркалом в корсете и в одном кружевном чулке. Взвизгнув от неожиданности, она схватила второй кружевной чулок и смешно прижала его к груди в тщетной попытке прикрыться. Но увидев, кто к ней пожаловал, мгновенно бросилась Веронике на шею.

– Ну, наконец-то! Я уж думала, что стану первой в истории невестой с одной подружкой.

От ее искренней радости Вероника ужасно растрогалась, и ей сразу же захотелось рассказать обо всех своих приключениях и пожаловаться на то, что ее уволили. Маринка была сердцем их троицы, она обладала поразительной житейской мудростью и уникальной способностью всех успокаивать. И еще она была доброй. Если бы душевным теплом можно было отапливать помещения, в Маринкином доме всегда стояла бы африканская жара.

Внезапно невеста выпустила Веронику из своих дружеских объятий, немного отстранилась и, сморщив нос, с подозрением спросила:

– А чем это от тебя пахнет? По-моему, жабами? – Тут до нее наконец-то дошло, что подруга выглядит не самым праздничным образом. – Господи, а почему ты в таком жутком виде?

– Ну, я немножко покуролесила в командировке, – ответила та, благоразумно решив, что будет свинством вываливать на голову невесты все подробности своих приключений именно сейчас.

– Покуролесила в дремучем лесу? – не поверила Маринка. – Ты что, гонялась за белками и разоряла муравейники? Или напилась водки и прорубила пару новых просек?

– Я заблудилась на болоте, – объяснила Вероника не без пафоса. – Прямо с болота я сюда и приехала. У меня совсем не было времени на красоту.

Весь сумасшедший сегодняшний день пронесся перед ее глазами. И она неожиданно остро почувствовала, как на самом деле устала. Маринка смотрела на нее несколько долгих секунд, а потом решила:

– Тут без профессиональной помощи не обойтись. Николь, веди-ка ты ее к моему косметологу, объясни ситуацию. Она в угловой комнате для гостей. Пусть сделает хоть что-нибудь. Что успеет… С волосами в первую очередь.

– И чтобы унять комариный зуд, – поддакнула Вероника. – Комары, девочки, это худшие звери во всей Галактике.

Николь выполнила задание на пятерку. Сначала она потащила Веронику в душ, а потом повела к косметологу, толкая перед собой, как пастушья собака отбившуюся от стада ярку.

– Я знаю, у тебя наступил релакс после всех твоих приключений, – приговаривала она. – Но сейчас не время расслабляться. Пожалуйста, соберись.

Вероника честно попыталась собраться и даже ненадолго почувствовала прилив сил. Но когда косметолог, оказавшаяся маленькой и властной женщиной, уложила ее на кушетку и принялась мять, как кусок глины, косточки Вероники в один момент превратились в масло, а горячее обертывание довершило дело. Когда чистая и прекрасная она выплыла в коридор, то почувствовала невероятную истому и прислонилась к стене, чтобы не свалиться на пол. Собрав в кулак остатки воли, Вероника двинулась было к Маринкиной комнате, но тут поняла, что не может сориентироваться. Все двери были похожи одна на другую, и она не помнила, за какой из них прячется от гостей невеста. Тогда они решила проверять все комнаты по очереди. Подойдя к первой же двери, она нажала на массивную ручку и заглянула внутрь. Из-за тяжелых, наполовину задернутых штор в ней стоял полумрак, но Вероника сумела разглядеть высокие стеллажи с книгами, камин и большой диван с высокой спинкой и огромными подлокотниками-пуфами.

Диван произвел на нее поистине магическое впечатление, и она как загипнотизированная двинулась к нему, забыв обо всем на свете. Голос разума что-то пытался возражать против ее намерения «прилечь на минуточку», но она даже слушать не стала. Подошла, сняла туфли, легла и свернулась калачиком. Диван ни разу не скрипнул – в этом доме явно ценили качество.

В последний раз она засыпала так быстро только в детстве. Бабушка смеялась: «Тебе сон в глаза насыпали». Один взмах ресниц – и привет, ты уже в объятиях Морфея.

* * *

Разбудили ее какие-то невнятные голоса. Они начали вплетаться в сновидения и разрушать прекрасные картины, проносившиеся перед глазами. Потом кто-то принялся ее тормошить и звать по имени: «Вероника! Вероника!»

Девушка выплыла из небытия и увидела над собой квадратное лицо Маринкиного отчима. Перевернутое, оно показалось ей не суровым, как обычно, а довольно забавным.

– Вот ты, оказывается, где спряталась, – воскликнул хозяин дома, заметив, что девушка открыла глаза.

– Ой, а что такое? – пробормотала Вероника и быстро села. Растерянно огляделась по сторонам.

– Как тебя занесло в мой кабинет? – не скрывая изумления, продолжал Борис Анатольевич.

Рядом с ним с сочувственным выражением на лице стоял все тот же смуглый коротышка, которого она сегодня уже видела в компании дяди Бори. Когда Вероника перевела на него немного осоловелый взгляд, он неожиданно широко улыбнулся, продемонстрировав ослепительно белые зубы.

– Я не знаю, как занесло, – промямлила Вероника, с трудом приходя в себя после глубокого сна. – Я ужасно устала, и меня разморило…

Борис Анатольевич тем временем уже звонил по мобильному Маринке, чтобы доложить:

– Нашлась твоя пропажа. Спала у меня в кабинете на диване. С ней все в порядке.

– Извините, если я…

– Если я, – со смешком передразнил Болотов. – Да из-за тебя вся свадьба чуть не пошла кувырком. Уже полицию собирались вызывать. Доча думала, что тебя кто-то похитил.

– Кому я нужна-то? – пробормотала Вероника, у которой от смущения запылали уши.

– Всякое бывает, – встрял коротышка, глядя на нее с притворством взрослого, сочувствующего ерундовой детской катастрофе.

Внезапно дверь распахнулась и влетела Николь в шелковом платье тошнотворного персикового оттенка, к корсажу которого был приколот букетик цветов. Лицо ее не выражало нежности.

– Ну, как спалось? – спросила она, подбоченившись. – Почему ты не осталась спать у косметолога? Или не заснула где-нибудь в саду под грушей? Какого лешего надо было прятаться в дяди Борином кабинете?

– Что же ты сразу не сказала, что хочешь отдохнуть? – добавил и свое полешко в костер сам дядя Боря. – Мы бы отвели тебя в спальню, а в нужный момент разбудили бы.

– Да я не собиралась спать, – снова принялась оправдываться Вероника. – Это вышло как-то само собой, совершенно случайно.

В этот момент на пороге кабинета нарисовался Святослав. По его глазам с поволокой было ясно, что он уже основательно сыт и столь же основательно пьян.

– О, Ивлева! – воскликнул он с радостным изумлением. – У тебя просто талант исчезать в самый неподходящий момент. И все портить.

– Я что, проспала свадьбу? – испугалась наконец Вероника.

– Была на волосок, – подтвердил Святослав.

– Ну, поднимайся же, побежали переодеваться, – Николь схватила Веронику за локоть и потянула вверх с той силой, которая появляется даже у хрупких девушек, когда они злятся.

И Веронику закрутил вихрь событий. «Свадьба пела и плясала» довольно весело и громко. Шампанское не просто лилось рекой – каскады, водопады и фонтанчики с игристым вином приводили в восхищение гостей, которые за

несколько часов вытоптали газоны до состояния лысого паласа. Вероника знала, что все это – сообразно своим амбициям – организовал дядя Боря. Имидж семьи полностью находился в его ведении, и у Маринки просто не было шансов переспорить отчима.

Перед церемонией в Веронику влили пол-литра крепкого кофе, обрядили в атлас, украсили ленточками и цветами и вставили в туфли на каблуках.

– Может быть, пощекотать ее, чтобы она улыбалась? – с некоторым сомнением оглядев дело рук своих, спросила Николь у невесты. – После блуждания по болотам она испортилась.

– Я что, старый патефон? – обиделась Вероника. – И я не испортилась, я просто немножечко торможу. Так всегда бывает после сильного стресса.

Она еще не знала, какие потрясения ждут ее впереди. Ей казалось, что, когда она по-настоящему выспится, жизнь наладится. Найдется новая работа, забудутся страшные ночи на болотах, она снова почувствует себя уверенно. Наивная. Как выяснилось впоследствии, болота были только началом большого и опасного приключения, которое приготовила ей судьба.

Уже совсем стемнело, Маринка с Костиком ушли в дом укладывать последние мелочи в свои дорожные чемоданы, но гости и не думали разъезжаться – сюда, за город, добирались долго, а потому хотели оторваться по полной программе. В огромном подвале устроили дискотеку, и весь дом гудел так, будто готовился извергнуть из себя ракету, снаряженную на Марс. Вероника чувствовала, что если подпрыгнет или махнет ногой, то просто упадет замертво, поэтому презрела танцы и сразу же направилась в сад. Николь она потащила с собой за компанию.

В саду включили иллюминацию, и по деревьям бегали разноцветные огоньки, не позволявшие празднику угаснуть.

– Видишь, какие тут чудесные столики, – приговаривала Вероника, виляя по дорожкам. – Вон один как раз освободился. Смотри, как тут красиво.

– Комаров, как я понимаю, ты уже не боишься, – проворчала Николь, не слишком охотно следуя за подругой.

Они нырнули под тент и синхронно плюхнулись в широкие плетеные кресла. Юбки их атласных платьев моментально надулись маленькими колоколами.

– Мы с тобой помялись, как золотянки от конфет, – заметила Вероника, – эти платья годятся только для стоячих торжеств. Для сидячих они точно не подходят.

– Ну, сейчас уже пофиг, – лениво ответила Николь. – Мне главное, чтобы физиономия не слишком помялась. Я утром отчаливаю в деловое турне, поплыву на теплоходе по Волге.

– Ты не говорила, – удивленно вскинула брови Вероника.

– Когда нам было разговаривать-то? У тебя, душа моя, одни сплошные похождения.

Вероника протянула руку, схватила со стоявшей на столе тарелки тарталетку и засунула в рот. Ее организм после двухдневного поста на ягодах все еще реагировал на еду, как кот на юркую мышь.

– С чем тарталетка? – спросила Николь и, придвинув к себе оказавшийся поблизости стул, закинула на него ноги.

– С кремом из копченого лосося, – пробубнила Вероника, рот которой уже был набит соблазнительными закусками. Тарталетки просто таяли на языке, и остановиться было совершенно невозможно.

Она быстро наелась, но рука сама собой продолжала тянуться к тарелке. Тогда она обратилась за помощью к Николь:

– Ты должна меня чем-нибудь отвлечь, иначе я лопну. Расскажи про турне.

– Если честно, я даже не знаю, что это будет – серьезное мероприятие или какая-нибудь фиготень, – ответила Николь и сладко потянулась, выгнув спину. Скорее всего, она специально дразнила официантов, которые начинали спотыкаться, когда проходили мимо их столика. – Мини-конгресс для женщин-предпринимателей. «Женщина в бизнесе» или что-то в этом роде.

– А почему мини? – удивилась Вероника.

– Понятия не имею. Ну, есть мини-конференции, почему бы не быть мини-конгрессам? Мне прислали документы, чтобы я ознакомилась с матчастью, но из-за свадьбы я ничего не успела. По секрету мне сказали, что мероприятие задумала провести дочка крупного финансиста, которой страстно хочется что-нибудь организовать и возглавить.

– Ты тоже могла бы что-нибудь организовать и возглавить, у тебя к этому талант, – с жаром откликнулась Вероника. – Я вообще не понимаю, почему ты занялась какой-то языковой школой. Ты для этого слишком красивая. Уверена, что если бы ты вела бьюти-блог, то не впахивала бы с утра до ночи, зато прославилась бы за неделю.

– Бьюти-блог? Фу, – ответила Николь. – Папа этого не одобрил бы.

На такое «фу» ответить было нечего, поэтому пришлось замолчать.

– На самом деле, этих «бьюти» мне все же пришлось принимать в расчет, – неохотно призналась Николь. – Когда чемодан стала собирать. Понимаешь, женский бизнес в основном связан как раз с красотой. Продажа косметики, спа-салоны, нейл-бары, концептуальные магазины… Наверняка там все это будет, весь этот гламур, и я просто не могу не соответствовать.

– Чему ты можешь не соответствовать? Кому? – вскинула брови Вероника. – Да ты так за собой следишь, что выглядишь гламурнее некуда. Хоть сейчас на обложку журнала «Вог».

– Я просто деловая женщина, – пожала плечиком Николь, хотя по голосу было ясно, что она польщена.

– Ну, я бы не сказала, что «просто». Ты у нас очень непростая девушка. Кстати, а где твой непростой парень? Как это он отпустил тебя одну в такой вечер? Для отношений это плохо.

Николь ухмыльнулась:

– А ты у нас, конечно, большой специалист по отношениям. Когда ты вообще в последний раз ходила на свидание? Не крякай в ответ, я знаю, что давно. И вообще. Мы с Маринкой тебе сто раз говорили, что приложи ты хоть капельку усилий, ты могла бы завоевать любого парня. Лю-бо-го. Тебе и надо-то всего ничего – капельку того самого гламура, который так тебя забавляет. Немножко волшебной пыльцы, которую обычно используют девушки, чтобы чувствовать себя на все сто. Чего ты улыбаешься? Я тебе дело говорю.

– Ты пытаешься улизнуть от ответа на вопрос. Так где же все-таки Богдан?

– Уехал по срочным делам. И знаешь, я не расстроилась, ему здесь было бы дико скучно.

– А я завтра должна была ехать в Крым, освещать автопробег на ретроавтомобилях, – вздохнула Вероника, снова вспомнив о своем увольнении.

– Да, ты мне об этом рассказывала. Расстроилась, что все отменилось?

– Вообще-то, если бы я захотела, то еще могла бы поехать. Мне из редакции написали, что они на меня надеются и даже не сняли бронь на гостиницы. Но я, конечно, никуда не поеду. Дудки! Умерла так умерла. Пусть сами выкручиваются.

Жара уже спала, и было так приятно сидеть на воздухе, среди мерцающих огней, среди людей, в безопасности… Вероника откинулась на спинку кресла, чувствуя неземное блаженство. И ни одного комара! Только плюшевый ночной мотылек тычется в лампу.

Между тем молодой человек в фирменной куртке официанта медленно подплыл к ним, держа в руках поднос с домашним лимонадом. Лимонад он разлил в бокалы, плотно нашпигованные мятой и кубиками льда. Парень был круглолицым, огненно-рыжим, с обветренными губами и нахальным взглядом подростка, который уже просек, что яркая внешность кое-чего стоит.

– Мерси, – сказала Вероника, взяв бокал и сразу же отпив один глоточек.

Один глоточек не произвел никакого действия, два глоточка тоже. Но когда лимонада в бокале осталось совсем чуть-чуть, свет в глазах Вероники начал неожиданно меркнуть. Огоньки гирлянд на деревьях сделались похожими на разноцветные кляксы, а воздух стал вязким и густым. Она попробовала подняться на ноги, но не смогла. Ноги стали непослушными, руки едва шевелились. Девушка с трудом повернула голову и посмотрела на Николь. Та лежала в кресле с закрытыми глазами и безвольно повисшими руками, похожая на мертвую бабочку. Пустой бокал валялся на земле, кубики льда веером лежали вокруг него.

«Неужели нас отравили?» – вяло подумала Вероника, а потом черный вихрь налетел на нее и унес в небытие.

* * *

Сознание возвращалось с трудом. Вероника начала различать голоса и поняла, что кто-то обращается к ней с вопросами. Усилием воли она заставила себя открыть глаза, но тут же зажмурилась снова. Медленно, очень медленно подняла руку, заслонила лицо ладонью, потом убрала ее и поморгала, чтобы привыкнуть к свету. А когда привыкла, то невероятно удивилась.

Она сидела на теплой деревянной скамейке неизвестно где. То есть она не могла припомнить, чтобы когда-то прежде бывала в этом месте. Пригорок, расчерченный пешеходными дорожками, спускался к набережной. Внизу расстилалась речная гладь, чуть в стороне покачивался нарядный теплоход с полосатой красно-белой трубой. Вовсю светило солнце, ветер отрывал клочки от большого облака и размазывал по небу манной кашей. Рядом с ее скамейкой стоял незнакомый чемодан на колесиках, на коленях у нее лежала симпатичная, но тоже незнакомая маленькая сумочка. Поверх сумочки красовались какие-то разноцветные бумажки.

– Мамуль, она очнулась, – громко сказал кто-то прямо над ухом Вероники.

Та повернула чугунную голову и увидела незнакомого типа лет сорока, одетого в бермуды и гавайку с нарисованными на ней тропическими птицами. Стоял он в позе завоевателя, вид имел веселый и дерзкий. Веронике показалось, что он улыбался, хотя из-за бьющего в глаза солнца она не была в этом уверена. К тому же у незнакомца имелись пышные «венгерские» усы, которые придавали его

лицу особенно задорное выражение.

Внезапно из-за плеча усатого типа выплыла дама в связанной крючком накрахмаленной белой шляпе. Шляпа была надета на голову глубоко и ровно – как горшок на забор. Дама наклонилась, очутившись с Вероникой нос к носу. От нее пахло жасминовыми духами с нотками жареного лука в шлейфе.

– Ох, дорогуша, – сокрушенно сказала дама, всем своим видом выражая сочувствие. – Как же это вы так?

Вероника хотела спросить, что она имеет в виду, но вдруг поняла, что не может вымолвить ни слова. Рот был словно наполнен клейким киселем, в котором увяз совершенно непослушный язык. Издав нечто похожее на мычание, она сделала попытку подняться на ноги, но едва оторвала попу от скамейки, как повалилась обратно, больно стукнувшись копчиком о деревяшку. Все было словно в страшном сне про монстров, когда хочешь рвануть прочь что есть сил, но руки не слушаются, а ноги не бегут.

– Генчик, ей надо помочь, – решительно заявила дама в шляпе, поднимая упавшую на землю сумочку и собирая разлетевшиеся бумажки. – Вот, смотри, это же ее билет. Она плывет на нашем теплоходе. Я так и знала! Бедняжечка, эта жара кого угодно доведет до бесчувствия. Я всегда говорила, что нельзя сидеть на солнцепеке и голову надо непременно прикрывать. Вот хотя бы шляпой.

– Ладно, что ты предлагаешь? – поинтересовался Ген-чик, прервав разглагольствования своей мамаши.

Дама на секунду задумалась, а потом решительно расправила плечи.

– Мы должны помочь ей попасть на борт. Сделаем вот что. Ты возьмешь в левую руку наш чемодан, я возьму в правую руку ее чемодан, а девочку будем держать с двух сторон под локти, она пойдет между нами.

– Мамуль, мы растянемся, как полковая рать на поле брани, – ответил усатый озабоченно. – И на дорожке не поместимся. Нас трое, да два чемодана по бокам. Пять мест, на минуточку.

– Тогда я покачу оба чемодана, а ты веди девочку, – тотчас переиграла дама.

Вероника удивилась тому, что ее хотят куда-то вести совершенно незнакомые люди. То есть не куда-то, а на корабль, чтобы плыть. Куда плыть? Зачем? Откуда у нее билет? Она хотела вырваться, хотела сказать, что это не ее чемодан, не ее сумка, не ее билет… Теплоход тоже не ее! Но проклятый язык по-прежнему не желал разговаривать.

Генчик оказался сильным как буйвол – он легко поднял Веронику со скамейки, обвил рукой ее податливый стан и повлек в сторону набережной, по которой уже тянулась вереница людей с поклажей. Люди стремились к контрольно-пропускному пункту, втягивались внутрь небольшого павильона, после чего появлялись уже с другой стороны ограждения, рядом с теплоходом.

– Бедняжечка, ты не забыла паспорт? – приговаривала дама, следуя по пятам за странной парочкой. – Слава богу, нет. Вот он, на месте.

– А как ты предлагаешь объяснить ее состояние официальным лицам? – поинтересовался ее сын. – Она же двух шагов сама сделать не может.

– Господи, Генчик, ну придумай что-нибудь. Скажи, что мы попутчики, вместе летели из… из Новосибирска. Нет, ехали на поезде из Новосибирска. Было душно, мы совсем не спали, девчушка вымоталась. В общем, пофантазируй. У тебя же этих историй, как блох на собаке.

– Ха, вот это уж точно, – с ноткой самодовольства в голосе откликнулся сын, но потом снова озаботился: – А ты уверена, что ее никто не будет искать? Мы взяли и утащили ее со скамейки… без спросу. Еще припишут нам с тобой киднеппинг.

– Ну что ты выдумываешь, какой еще киднеппинг! – пропыхтела женщина в шляпе. – И вот же билет… Все время ты чего-то опасаешься.

– У меня профессия такая, – ответил Генчик. – Надо быть постоянно начеку.

– Я абсолютно уверена, она сама сюда приехала, а потом села на скамеечку, задремала на солнышке, ее разморило, бедняжечку… Так бывает.

– Ну-ну, тебе лучше знать, – пробормотал ее сын. – Только я не уверен, что твоя «бедняжечка» нас потом поблагодарит.

– Конечно, поблагодарит, не сомневайся. Она бы сама не дошла, да ее и не пропустили бы в таком виде без сопровождения, разве ты не понимаешь? Теплоход бы уплыл, билет пропал… Вот ужас! Представь себя в такой ситуации.

– Не хочу я ничего представлять, – сердито ответил Генчик. – Ох, ешкин кот, она все время дрыгает ногами, как будто я учу ее плавать.

Веронике и в самом деле казалось, что она плывет над землей и перебирает ногами в воздухе.

Потом были ступеньки, строгие голоса, причитания дамы в шляпе и громкий голос Генчика, который велел ей сначала идти, потом стоять, потом поднять руки. Стоять с поднятыми руками было отчего-то смешно, и Вероника хотела покружиться на месте, но чуть не упала и в конце концов снова оказалась у Генчика под мышкой. От него тоже еле слышно пахло жареным луком, а еще душистым мылом. Больше – именно мылом. Душистое мыло абсолютно примиряло Веронику с их нежданной близостью. Она хотела признаться, что очень любит чистоплотных мужчин, но решила, что такое признание может быть неверно истолковано, и снова рассмеялась.

– Впервые вижу человека, который чувствует себя счастливым наутро после возлияний, – проворчал Ген-чик.

– Я была на свадьбе, – неожиданно для себя сказала Вероника, у которой наконец-то ожил язык. Говорила она медленно, отделяя друг от друга слова большими паузами.

– Чего-чего? – протянул Генчик. – Что вы там лопочете? Ничего не понял. Вот же еще приключение на мою голову. Хорошо хоть, что симпатичная.

Вместе с тонким ручейком пассажиров троица взошла на борт теплохода, очутившись на нижней палубе. Приветливые члены команды указали им, где зарегистрироваться и получить ключи от каюты.

– Генчик, представляешь, наша бедняжечка участвует в конгрессе «Женщина в бизнесе», – возвестила дама в шляпе, которая взяла на себя регистрационную часть мероприятия и теперь стояла, держа в вытянутых руках две пары ключей. – Их всех поселили на средней палубе, и ее каюта тоже там.

– Это что ж, мне ее по лестнице тащить? – простонал усатый.

– Ну, не на пол же бросить, – возмутилась его мать. – Если доброе дело не довести до конца, получится не дело, а мелкая пакость.

– Придется взвалить твою бедняжечку на плечо, по-другому никак, – смирился со своей участью Генчик. – Вот клянусь, когда я поволоку ее наверх, все подумают, будто я ее прикончил.

– Ну что у тебя за фантазии, господи! Никто ничего не подумает. Принесешь ее в каюту, уложи на кровать, укрой чем-нибудь, а ключ положи на столик. Понял?

– А ноги ей не вымыть? – возмутился Генчик, но, наткнувшись на суровый взгляд матери, пошел на попятный: – Да ладно-ладно, уж как-нибудь справлюсь. Опыт-то у меня огромный… В общем, мамуль, жди меня здесь. Мне же еще чемодан бедняжечки наверх поднимать. Ох, и любишь же ты делать добрые дела чужими руками.

Генчик справился с поставленной задачей на отлично. Когда он наконец-то опустил Веронику на кровать, та испытала невероятное блаженство, даже негу. Закрыла глаза и сразу же поплыла по незримым волнам сна.

– Ничего, ничего, – пробормотал ее благодетель где-то у нее над головой, – скоро полегчает. Вот, я воду из холодильника достал, поставлю рядом на столике. Сейчас вещи принесу, и спите себе. Все в порядке, вы на борту.

* * *

Она открыла глаза и увидела низкий потолок, который слегка покачивался. Все вокруг покачивалось. Вероника подняла вверх левую руку, потом правую. Потом села на кровати, свесив ноги вниз. На ногах красовались веселые кеды, и вообще она была в полном обмундировании – в светлых спортивных штанах и футболке.

Как ни странно, голова не болела, но была удивительно пустой, как будто кто-то выгрузил из нее информацию и перенес на другой носитель. Ей никак не удавалось сосредоточиться и понять, где она находится. Что это за место? Занавесочка, маленькое окно, как в поезде, за окном река…

Вероника прилипла носом к стеклу. Мирный пейзаж открылся ее взору. Лес, небольшие домики – все они медленно уплывали назад. Итак, судя по всему, она плывет по реке на корабле. Господи, но почему?!

Мысли разбредались и никак не желали собраться в кучу. Вероника сжала голову руками. Голова помнила только Маринкину свадьбу. Но как она попала со свадьбы на какой-то корабль? Бли-и-и-ин… Неужели ей опять подмешали водку в лимонад и она вытворила что-то невероятное?

Тут в голове ее словно взорвалась петарда: «Лимонад! Господи, меня чем-то опоили. Нас с Николь опоили! Этот рыжий официант, он сразу показался мне каким-то странным. А потом, что же было потом?.. Да, я очнулась и увидела эту забавную парочку, женщину в шляпе и мужчину с усами. Мы все находились на набережной… Женщина почему-то решила, что я должна плыть вместе с ними, и тип с усищами втащил меня на теплоход. Видимо, у меня был билет и они хотели мне помочь. Да, и еще у меня должен быть чемодан».

Она посмотрела по сторонам и увидела чемодан рядом со своей кроватью. А на соседней койке обнаружилась дамская сумочка. Вероника немедленно схватила ее и с замиранием сердца заглянула внутрь. Так, традиционный набор – ключи, косметичка, документы, телефон. Все чужое!

Самым интересным здесь был, конечно, паспорт. Вероника открыла его с тайной надеждой, что он сию минуту откроет ей тайну происходящей фантасмагории.

– Елки-палки! – громко воскликнула она, увидев фотографию своей подруги Николь.

«Ну, так и есть – Николь Витальевна Чаева. Это же она собиралась отправиться в круиз по Волге, – стала рассуждать Вероника. – Но вместо нее почему-то плыву я. А куда же в таком случае подевалась сама Николь?»

Вероника вздрогнула, припомнив поникшую в плетеном кресле фигуру. Тогда она подумала, что их отравили и что они обе умирают. Но нет, вот она, жива-здорова, и с Николь, хотелось бы надеяться, тоже ничего плохого не случилось.

«Может, это какая-то шутка? – подумала Вероника. – И когда все выяснится, то окажется, что кто-то ужасно глупо пошутил. Глупо и зло».

Однако пока что все было очень непонятно и странно. Зачем кому-то понадобилось отправлять ее в путешествие вместо Николь? Как она оказалась на набережной? И куда подевалось платье подружки невесты? Получается, что кто-то ее сначала усыпил, потом еще переодел, а уж потом притащил в порт. Притащил в порт, чтобы – что? Засунуть на теплоход? Но почему тогда не довел дело до конца, а просто посадил на скамейку?

Вопросов было множество, но самый главный из них – что произошло с Николь?

Телефон, конечно, оказался разряжен, поэтому сразу же позвонить подруге никак не получалось. Нельзя было даже узнать, какой сегодня день и сколько сейчас времени. Решив, что зарядное устройство может находиться в чемодане, она втащила его на кровать и откинула крышку. Сразу ощутила волнующий запах новой одежды, такой запах обычно бывает в дорогих магазинах. Новая одежда и немного духов – наслаждение. Духи те самые, которыми пользуется Николь, поэтому логично предположить, что чемодан тоже ее. Надо же, как сильно он отличается от ее собственного! Да у нее и чемодана-то как такового нет, в поездках ее сопровождают все больше дорожные сумки и рюкзаки. Ведь она обычно таскается по окраинам страны, ночует в дешевых гостиницах или даже на болотах… Жуткая жизнь. Впрочем, сейчас Веронике было не до сантиментов. Сейчас главное – это связаться с подругой и убедиться, что с ней все в порядке.

Взрыхлив нарядную яркую одежду, она быстро отыскала в ее недрах сумочку со всякой всячиной, вытащила из нее зарядник и подсоединила телефон к розетке. После этого путешественница поневоле кое-как привела себя в порядок, умылась, выпила за один присест целую бутылку воды и почувствовала наконец, что готова действовать.

Первым делом нужно было разведать обстановку. Как только она открыла дверь каюты, к ее ногам посыпались бумаги – флайеры, памятки, приглашения на

семинары. Все они представляли собой информационное сопровождение мини-конгресса, который проходил на борту теплохода.

В этот момент мимо Вероники быстрым шагом прошла девушка в деловом костюме и туфлях-лодочках, на ее светлом челе лежала печать озабоченности. От девушки приятно пахло – примерно так же, как от вещей из чемодана Николь.

«Судя по всему, конгресс находится в самом разгаре, – догадалась Вероника и вслед за девушкой вышла на палубу. У нее сразу захватило дух от свежего порывистого ветра, а заодно и от открывшегося вида. Теплоход в этот момент шел по водохранилищу и резал темную воду острым носом, откидывая ее двумя ломтями влево и вправо. На далеком берегу жесткие щетки леса сменялись покрытыми травой косогорами, по которым были разбросаны белые горошины церквей. Мимо Вероники, хохоча, пролетела пара чаек. Ей вдруг страшно захотелось избавиться от снедавшей ее тревоги, раскинуть руки и вдохнуть пряный илистый воздух полной грудью. Она уже было начала вдыхать, когда кто-то сказал прямо у нее над ухом:

– Простите, вы из какой каюты?

Вероника выразительно выдохнула и обернулась. Рядом с ней стояла молодая женщина в белом костюме с морскими пуговицами и вышитым якорем на кармане. На ее макушке красовался тугой пучок волос, похожий на маленькую кокетливую шапочку. Этот пучок Веронике почему-то ужасно не понравился. А уж то, что ей помешали наслаждаться жизнью, раздосадовало ее до крайности.

Она подняла ключ от каюты, который держала в руке, и показала женщине бирку с номером.

– Я что, храпела? – язвительным тоном спросила она. – Если вы не могли уснуть, постучали бы в стенку, или как она там называется? В переборку.

Женщина непонимающе вскинула брови:

– Я всего лишь хотела уточнить – вы госпожа Чаева?

Вероника выдержала двухсекундную паузу, пытаясь сосредоточиться на ответе. Разумеется, ее принимают за Николь! Она зарегистрирована как Николь, разместилась в каюте Николь, у нее чемодан Николь… И что теперь делать? Как выкручиваться? К сожалению, с ходу ничего умного придумать не удалось, поэтому она неуверенно протянула:

– Ну, да-а-а.

Лицо женщины с пучком неуловимо изменилось, сделавшись властным и слегка покровительственным. Как говорил классик, она начала смотреть на Веронику Юпитером.

– Я Ада Ашурова, можете называть меня просто Адой, – женщина задрала маленький крепкий подбородок. – Вы уже пропустили несколько мероприятий. Через час в салон-баре начнется тренинг креативности, прошу вас быть. Не опаздывайте, пожалуйста. – «Пожалуйста» прозвучало металлическим аккордом.

– Ладно, буду, – пожала плечами Вероника.

– И еще вот что, – Ада несколько раз моргнула и досадливо повела плечом. – Вам придется обойтись без тишки. Кеды мы тоже не приветствуем. У нас серьезное мероприятие, профессиональные фотографы. Фотоотчеты будут вывешены на нашем сайте.

У Вероники мгновенно родились два законных вопроса – кто такие эти «мы» и кто такой, черт побери, Тишка? Но задать их она не успела, потому что Ада развернулась и чинно удалилась.

Вероника подумала, что все это напоминает театр абсурда. Прислонилась животом к ограждению и рассмеялась. Была у нее такая дурацкая особенность: она всегда хохотала, когда нервничала. А сейчас есть отчего понервничать.

«Интересно, прошли уже десять минут или нет? – подумала она. – Если да, то вполне можно попробовать реанимировать мобильный и позвонить Николь. Ой, а по какому же номеру ей звонить, если ее телефон лежит у меня на столе? Тогда, может, мой мобильный сейчас у нее? Будем на это надеяться».

Она бегом возвратилась в каюту. Телефон действительно сразу же ожил и приветственно чирикнул. Вероника набрала собственный номер и почувствовала, как от волнения гулко бухает сердце. Только бы ответили! Только бы ответили! Прошло несколько томительных секунд, но вот гудки наконец прервались, и послышался далекий, но вполне узнаваемый голос Николь:

– Кто это? Кто говорит?!

– Слава богу, ты жива! – с шумом выдохнула Вероника. – Что само по себе уже замечательно.

– Вероника, это ты? – узнала ее подруга. – Говоришь по моему телефону! Что все это значит?

– Да я понятия не имею, что это значит. Как раз и звоню в надежде разобраться. Где ты находишься? Что там у тебя происходит?

– Меня везут на машине в Крым и не выпускают! – истерично закричала далекая Николь. – Они подумали, что я – это ты, и засунули в железную коробку на колесах. Клянусь, у нее нет амортизаторов! Я не в силах отсюда выбраться, это какой-то кошмар, душа моя! Скажи им, скажи! Они не могут понять, что я хрупкая орхидея, со мной нужно обращаться бережно!

Хрупкая орхидея голосила, как кошка, попавшая под душ Шарко.

– Почему они тебя не выпускают? – возмущенно закричала в ответ Вероника. – Должны выпустить немедленно! Чтобы ты приехала на свой конгресс. Потому что я сейчас плыву по реке и меня здесь все принимают за тебя.

На том конце послышался всхлип, и Николь простонала:

– Боже, мой конгресс… Пропал мой конгресс…

После этого раздался какой-то шум, писк, пыхтение, а потом в трубке возник насмешливый мужской голос:

– Не слушайте эту истеричку. Никто ее не похищал. Сейчас у нас будет остановка, и мы высадим ее на заправочной станции. Вообще-то она журналистка, должна была освещать наш автопробег, но почему-то передумала.

– Это я журналистка! – прокричала Вероника, разволновавшись. – А она вовсе никакая не журналистка и попала к вам по ошибке. Кстати, а как она очутилась в вашей машине?! Отвечайте же!

– Ее к условленному месту доставили два молодых парня, – покорно стал объяснять собеседник. – Загрузили на заднее сиденье вместе с вещами, сказали, она очень устала после трудной командировки и должна поспать. Ну, мы не стали к ней приставать с вопросами и дали выспаться. А потом она проснулась и начала орать как подорванная. Пыталась даже выпрыгнуть на ходу.

– Вы сможете узнать тех парней? – неожиданно для себя спросила Вероника. Вопрос был, в общем-то, глупым, потому что она представления не имела, кто бы это мог быть в принципе. Но на ум опять пришел рыжий официант, внешность которого запомнить было несложно.

– Нет, это вряд ли, – ответил ее покладистый собеседник. – Нам некогда было их разглядывать. Забрали у них журналистку, загрузили ее в машину – и вперед. Ладно, мы к заправке подъезжаем, так что пока!

– Как это «пока»? – завопила Вероника, но ее уже никто не слышал.

«Ладно, сейчас они высадят Николь, и она мне перезвонит. Главное, она жива – камень с души!» Вероника принялась бродить из одного угла каюты в другой и размышлять о случившемся. Ясно было лишь то, что их с Николь поменяли местами. Но кто? Зачем?

Неожиданно она вспомнила про Генчика и его мамулю, и это заставило ее посмотреть на ситуацию под несколько иным углом. Ведь если бы не эти двое, то она – сто процентов! – не попала бы ни на какой теплоход. Она бы очнулась в порту, да так и осталась бы сидеть на теплой деревянной лавке. И сидела бы на ней до тех пор, пока окончательно не пришла в себя. А потом вернулась бы домой.

И что из этого следует? Что от нее не стремились избавиться, не хотели любой ценой убрать ее из города. Собственно, получается, что в итоге она оказалась никому не нужна. Но тогда все дело в Николь! Подруга собиралась на свой мини-конгресс и непременно уплыла бы на этом самом теплоходе из Москвы. Что же в таком случае вытанцовывается? Вариантов два. Или кто-то хотел, чтобы Николь отправилась именно в Крым. Или чтобы она не попала на конгресс.

– Но я-то тут при чем? – вслух возмутилась Вероника. – Зачем столько возни? Усыплять, переодевать – чушь какая-то, ни черта я не понимаю.

Телефон наконец-то зазвонил, и она порывисто прижала его к уху.

– Это я, – сказала трубка голосом Николь. На сей раз голос был совершенно убитым. – Я вся в синяках и так вымоталась, прямо какой-то страх и ужас. Неужели можно писать статьи в таких нечеловеческих условиях? Я тут чуть с ума не сошла. И вообще я сначала думала, что меня украли цыгане или я попала в массовку фильма «Безумный Макс».

– Хватит ныть, – перебила ее Вероника. – Это ты потом Маринке в жилетку поплачешься. А сейчас нам срочно надо решить, что делать дальше. У тебя, кстати, есть хоть какие-то предположения, что произошло? Кто поменял нас местами и зачем?

– А мы не могли сами? – неуверенно спросила Николь. – Напиться и перепутаться?

– Не выдумывай, – Вероника даже ногой топнула от возмущения. – Разве ты не помнишь, как нам принесли лимонад? Мы выпили по стакану и вырубились.

– Помню, – покорно ответила Николь. – А потом не помню. Что же теперь делать? Я просто в трансе от того, что не попала на конгресс! Для меня это безумно важно. Слушай, а ты уже зарегистрировалась? Под моим именем?

– Зарегистрировалась дуриком, с чужой помощью, – не вдаваясь в подробности, объяснила Вероника. – Но если ты с кем-то из участников знакома лично, разоблачение не заставит себя ждать.

– Я ни с кем не знакома! – оживилась Николь. – Послушай, душа моя, ты должна меня заменить. – Вероника возмущенно засопела, но подруга не дала ей вымолвить ни слова. – Ты не можешь отказаться. Пожалуйста, ну пожалуйста! Притворись, что ты – это я. Что тебе стоит? Покатаешься на кораблике, покрутишься в хорошем обществе, поешь вкусную еду. Там все включено, но если понадобится, смело можешь пользоваться моей картой. За это тебе всего лишь надо будет посещать семинары. Только постарайся не ударить лицом в грязь, – голос Николь внезапно обрел силу. – Моим лицом! Душа моя, ты вообще-то меня слышишь?

– Слышу, – угрюмо отозвалась Вероника, уже понимая, что влипла.

– У тебя есть расписание семинаров? – продолжала между тем вдохновенно щебетать Николь.

– Есть, – глядя на мятую кучу разбросанных на прикроватном столике флайеров, ответила Вероника. – Только это все ерунда, я вряд ли справлюсь.

– Конечно, справишься. Ты же находчивая, эрудированная, обаятельная.

– Ага, скажи еще элегантная – со смеху сдохнуть. Слушай, тут ко мне какая-то Ада Ашурова подходила, – вспомнила она про женщину с пучком. – Приказала явиться на тренинг.

– Ада? Так это и есть организаторша всего проекта, – взволновалась Николь. – А что она еще говорила?

– Настоятельно рекомендовала снять кеды и расстаться с каким-то Тишкой. Я хотела прогуглить Тишку, но не успела.

– Боже мой, девушка, ты в каком веке живешь? – возмутилась Николь. – Тишкой называют обыкновенную футболку. Русский сокращенный вариант T-shirt.

Вероника хмыкнула, после чего обреченно заявила:

– Меня ждет провал.

– Никакой провал тебя не ждет, ты только сосредоточься, – принялась подбадривать ее Николь. – Все будет превосходно, ты заменишь меня без всякого труда.

– Да как я могу изображать создателя языковой школы?! Конечно, я знаю обо всех этапах твоего трудового пути, но английский у меня на хромую четверку. Что же касается педагогики, тут меня вообще можно привлекать к ответственности, потому что я считаю, что непослушных детей нужно пороть. В том числе тех, которые не хотят учить иностранный язык.

– Перестань тарахтеть, – прикрикнула на нее Николь, неожиданно переходя от защиты к нападению. – Если бы только я могла занять твое место… Свое место! Я бы это сделала, но уже поздно. Если даже я попробую перехватить теплоход на следующей остановке, то все равно пропущу все самое главное. Ведь конгресс уже начался. На самом деле, на это мероприятие у меня большие надежды. У него хорошая информационная поддержка, поэтому, если все пойдет удачно, о моей школе заговорит пресса. И я могу даже получить грант.

– О твоей школе и так говорит пресса, – не пожелала сдаваться Вероника. – Нет, неужели ты действительно не понимаешь, что втягиваешь меня в авантюру?

– Я?! – взвизгнула Николь. – Я стою в задрипанных штанах на богом забытой заправке на краю дремучего леса, со мной твоя дорожная сумка, в которой только трусы, носки и пара джинсов!

– Там еще толстовка и две рубашки, – подсказала Вероника. – Плюс документы и кошелек, не потеряй их. Кстати, откуда у тебя моя сумка? Она ведь лежала в багажнике у Святослава.

– Ты что, издеваешься, да? – сказала Николь свистящим шепотом. – Хватит болтать! Давай переодевайся и иди на семинар.

– Интересно, во что я буду переодеваться? У меня сорок шестой размер одежды, а у тебя… Даже не знаю. Минус сорок шестой! Еще ты на голову выше меня. К тому же нога у меня на два размера меньше. Короче, я самая обычная девушка, а ты – супермодель. И ты при этом хочешь, чтобы я ни во что не ударила твоим лицом. Бред, просто бред. Нереально.

– Так. Слушай меня внимательно. – К Николь уже вернулось ее обычное здравомыслие. – Сверху в чемодане лежит бумажный пакет, в нем эластичное платье. Оно легко на тебя налезет.

Зажав телефон между ухом и плечом, Вероника немедленно полезла в пакет и достала очень эффектное платье – бирюзовое кружево, надетое на подкладку, нежное, как мыльная пена.

– Это ведь мини, – недовольным тоном прокомментировала она.

– Мое мини будет смотреться на тебе как классика ниже колена.

– Ну, допустим, – с сомнением сказала Вероника, бросив платье на чемодан. – А что делать с обувью?

– Надень босоножки со шнуровкой, примотай их к ногам потуже.

– Не могу босоножки, – тотчас ответила Вероника. – Ты забыла, что я только что из Веппских болот?

– И что?

– У меня после них пятки оранжевые. Даже не знаю почему. Прямо морковного цвета. Думаю, тебе будет за меня стыдно.

– Хорошо, – со вздохом сказала Николь и на несколько секунд замолчала, мысленно перебирая содержимое своего чемодана. – К этому платью подойдут туфли д`Орсэ.

– Что это за звери? – рассердилась Вероника. – Ну тебя к черту. Если уж командуешь, то делай это по-человечески.

– Это, душа моя, туфли, у которых есть носок и пятка, а середины нет. Набей острые кончики ватой, должно помочь.

– Супер, – хмыкнула Вероника. – Я буду ходить вся обтянутая, как балерина, и шаркать туфлями д`Орсэ. Ладно, ладно, не заводись. Я же не полная дура,

прониклась важностью задачи, постараюсь не провалиться.

Вероника пообещала подруге, что позвонит ей сразу после тренинга и доложит обстановку. И еще пожелала побыстрей выбраться с богом забытой заправки и вернуться к цивилизации. Николь издала страдальческий стон и отключилась.

Итак, задачка предстояла не из легких. Вероника снова подняла платье за плечики, встряхнув в воздухе. Платье оказалось новым, к ярлычку на воротнике был приколот ценник. Отыскав маникюрный набор и добыв из него ножницы, Вероника уже собралась перерезать веревочку, как вдруг взгляд ее упал на цифры, напечатанные на атласной бумаге. Ножницы выпали у нее из рук и ускакали невесть куда.

– Сколько-сколько это стоит? – прошептала она, в ужасе округлив глаза. – Быть того не может! Или может?

Она поняла, что никогда в жизни не наденет на себя тряпку, которую можно обменять на подержанную машину. Вдруг она за что-нибудь зацепится и порвет кружева? Тогда сразу наступит конец света, ей в жизни не расплатиться за это сокровище.

Вероника еще раз взглянула на ценник и покачала головой:

– Если бы это было не в рублях, а в каких-нибудь вьетнамских донгах… Но нет, все-таки в рублях. Японский городовой! Придется поискать что-нибудь поскромнее.

Перерыв весь чемодан, она в итоге выбрала простого покроя юбку и шелковую блузку. Юбка довольно пошло обтянула все ее выпуклости. Пуговицы на блузке опасно напряглись, но выдержали. Видок у нее был тот еще, но куда деваться? Теперь предстояло придумать, что делать с волосами.

– Может, навертеть пучок на макушке, как у Ады? – спросила она у своего отражения в зеркале. – Нет, она точно решит, что я над ней издеваюсь. Если мы окажемся друг против друга с этими пучками, все просто лягут от смеха.

Сделала высокий «хвост» и призадумалась, куда деть ключ от каюты. Никаких карманов и все в обтяжку. Пришлось взять маленькую сумочку на длинном ремешке и повесить на плечо. Николь оказалась удивительно предусмотрительной.

– Ладно, пошла, – бодро сказала Вероника вслух. – Будем считать, что это просто еще одно ответственное задание. Нос выше, взгляд нахальнее, хвост морковкой.

Ада засекла ее мгновенно и, взмахнув рукой, громко представила:

– Госпожа Чаева, языковая школа «Люксовый английский», прошу любить и жаловать. Мы собираемся сделать общий снимок, проходите сюда, пожалуйста.

Фотографы, призванные запечатлеть все этапы мероприятия, суетились в центре зала, толкая друг друга штативами. Вероника посмотрела на них снисходительно. Как репортер с большим опытом она уже видела, какая ерунда получится в итоге. Топорные фотографии, на которых все стоят плечом к плечу, в редакции называли не иначе как «утро перед расстрелом».

Вероника огляделась по сторонам и тут же заметила девушку в романтическом образе – белое широкое платье, локоны, светло-розовая помада. Та попеременно смотрела то на экран своего телефона, то на Веронику. Такое откровенное разглядывание Веронике совсем не понравилось.

Между тем «романтическая» девушка подошла к ней поближе и сладким голоском поинтересовалась:

– Простите, вы действительно Николь Чаева?

– Ну да. А в чем, собственно, дело? – спросила Вероника со всей доступной ей сейчас любезностью.

– С ума сойти. Скажите, какими фильтрами вы пользуетесь в Инстаграм?

– Разнообразными, – ответила Вероника с умным видом. И на всякий случай добавила: – Я постоянно экспериментирую.

Слава богу, незнакомка не стала докапываться до сути и узнавать, какие конкретно фильтры превращают одну девушку в другую. Вместо этого она представилась:

– Я Рафина, но друзья зовут меня Рафаэлькой.

Вероника хотела было сострить по поводу такого глупого имени, но вовремя прикусила язык. Она же теперь «госпожа Чаева», а Николь ни за что не стала бы задирать участниц конгресса. Но, откровенно говоря, сдерживаться было довольно трудно. Ее всегда раздражала рафинированная публика, а уж гламурная и подавно. Ко всему прочему чертова юбка была ей откровенно мала и тоже не добавляла хорошего настроения.

Да уж, юбка оказалась настоящей проблемой. Веронику страшно волновал вопрос: как она вообще сможет в ней сидеть? К счастью, в баре было довольно много высоких стульев, и Вероника с максимальной осторожностью взгромоздилась на один из них.

Мероприятие открыла неутомимая Ада. Она произнесла вступительное слово и пригласила к микрофону страшного бородатого мужика, похожего на участника пугачевского бунта, который на поверку оказался консультантом в области инженерного консалтинга. Впрочем, Веронике было плевать на то, кто и чем тут занимается. Она размышляла о загадке своего появления на корабле да еще о том, как бы внезапно не остаться совсем без нижней части гардероба. В итоге пропустила довольно большой кусок выступлений и вздрогнула, когда бородатый консультант неожиданно остановился прямо возле нее.

– Теперь вы, – указал он на Веронику кончиком карандаша, который вертел в руках.

– Что – я? – удивилась та.

– Мы придумываем название для танцевального кружка. Вот как бы лично вы назвали танцевальный кружок?

Не задумавшись ни на секунду, Вероника выпалила:

– «Умелые ноги».

Участницы конгресса зашелестели, как березы на ветру. Кто-то из них выразительно хрюкнул.

– Но в танце участвуют и руки тоже, – с хитрецой сказал бородатый.

– Тогда «Умелые руки и ноги», – тотчас нашлась Вероника.

Ей внезапно стало стыдно за то, что она отвлеклась. Она ведь обещала Николь постараться и сделать все правильно, грамотно, умело.

«Все, долой посторонние мысли. Я деловая женщина и не говорю глупостей», – приказала она себе.

Бородатый никуда не ушел, а продолжал распространяться, стоя прямо возле ее стула. Веронике было безумно трудно сосредоточиться на его речи. Из-за дурацкой юбки ей приходилось сидеть на самом краешке, и все силы ее разума уходили на то, чтобы удержать равновесие и не свалиться на пол. Она напоминала себе куклу, надетую на металлическую подставку.

– Теперь, так сказать, сменим декорации и придумаем название для букинистического магазина, – предложил бородатый. – Давайте, давайте, включайтесь, – он посмотрел на Веронику с улыбкой. – Представьте, вы входите в маленький магазинчик, наполненный старинными книгами. Они всюду – на стеллажах, на столах, даже на полу… Прямо перед вами чудесные произведения литературы – например, книги Диккенса. Вы берете книгу Диккенса, подносите ее к лицу. В помещении стоит удивительный, ни с чем не сравнимый запах старой бумаги… Ну, как вы назовете магазин?

– «Запах Диккенса», – тотчас сказала Вероника.

Засмеялись все, даже Ада вместе со своим пучком.

– Очень креативно, – простонал бородатый, смахнув слезу. После этого он отстал от Вероники, и она смогла перевести дух.

Как только проклятый семинар закончился, всех снова сфотографировали и пригласили на ужин. Подошла Рафаэлька и, по-свойски взяв Веронику под руку, повлекла за собой.

– У нас за столом есть свободное место. Как я понимаю, обед ты проспала.

– Точно, проспала. Накануне поездки выдались тяжелые дни. А ты чем занимаешься по жизни? – спросила Вероника, чтобы перевести беседу на другую тему.

– Я коуч по развитию силы воли, – ответила воздушная девушка. – Если вдруг что – милости прошу на семинары.

Вероника, с которой «если вдруг что» случалось с завидным постоянством, мрачно кивнула. Между тем Рафаэлька протащила ее по коридору до самого ресторана и уверенно провела через весь зал к самому окну.

– Вот твое место, – сказала она и оптимистично добавила: – Тебе все будут рады.

За столиком уже сидела одна девушка – высокая, как корабельная сосна, с таким холодным лицом, что никого бы не удивило, если бы на нем вдруг появились морозные узоры.

– Это Надежда, – указала на нее Рафаэлька. – А это Николь.

– Николь? – высокомерно переспросила сосна. – Это ник такой или человеческое имя?

– Я прощу эту дерзость только в том случае, если ты занимаешься арбалетной стрельбой или держишь школу самбистов, – сказала Вероника.

Надежда ухмыльнулась.

– Наконец-то хоть кто-то с чувством юмора, – пробормотала она. – Если захочешь после ужина повеселиться, поднимайся в бар на шлюпочной палубе.

Вероника неопределенно кивнула. Она не знала, хочет она веселиться или не хочет. Скорее не хочет. После ужина она предполагала лежать на кровати, смотреть в потолок каюты и размышлять о том, почему она опять – опять! – попала в какую-то идиотскую ситуацию. Сказать по правде, вся ее жизнь была странствием от одной идиотской ситуации к другой. Как будто ее кто-то заколдовал.

Тем временем к столику причалили еще два «гордых фрегата», назвавшиеся Ташей и Машей. Девушки оказались дизайнерами женской одежды. Они немедленно вручили новой соседке визитку, пообещав, что явятся по первому зову и помогут ей создать собственный стиль в одежде. После недолгого общения с ними Вероника поняла, что давно уже не встречала таких упоенных собой людей. Не удержалась и тут же написала Николь сообщение: «Есть такие девицы, которые самоуверенно даже хлеб едят. Сижу с ними за одним столом». Ответ не заставил себя ждать: «Не жри там, как пожарник». Вероника хмыкнула. «Куда жрать-то? – отстучала она. – На мне и так все трещит по швам».

Таша и Маша весь ужин пытались раскрутить Веронику на светскую беседу, но та отделывалась общими фразами. Девицы казались ей не по делу претенциозными. Одеты они были в одинаковые длинные сарафаны грязно-коричневого цвета. Сарафаны просто вопили о своем дизайнерском происхождении – они были сшиты в модной технике «сикось-накось», при этом в них не было ни грамма женственности и стиля. Вероника знала, что настоящий мастер способен из одного отреза ткани с помощью коробки булавок прямо на ходу сочинить шедевр. Поэтому к носозадирательству Таши и Маши отнеслась скептически.

Ужин оказался на удивление вкусным, но поесть от души в самом деле не получилось. Каждому новому блюду юбка говорила отчетливое «нет», издавая примерно те же звуки, что и сухие ветки в костре, – она тихонько потрескивала, заставляя Веронику то и дело задерживать дыхание. Ей страстно хотелось поскорее убраться отсюда, переодеться в свои тренировочные штаны и отправиться в них в бар, чтобы поесть по-настоящему. «К тому же в интересах дела Николь разрешила пользоваться своей пластиковой картой, – размышляла она. – Так ведь делу только на пользу пойдет, если я буду нормально питаться».

Дождавшись момента, когда первые насытившиеся девушки стали покидать ресторан, она пожелала своим новым знакомым приятного аппетита и стремительно удалилась. Скорее, скорее добраться до каюты и снять с себя

проклятые шмотки. Однако возле каюты Веронику ждал сюрприз – Генчик и его «мамуль». Они прохаживались туда-сюда, оживленно переговариваясь. Когда они увидели свою бедняжечку, радость переполнила их и бурно выплеснулась наружу.

– Ой, вот и вы! А мы все боялись, что вы свое мероприятие проспите, – проворковала Генчикова мамуля. На ней сегодня была новая шляпа – точная копия предыдущей, только розового цвета.

Даже Генчик не сдержал чувств, осознав, что Вероника находится в здравом уме и твердой памяти. Расплывшись в улыбке, он воодушевленно предложил:

– Давайте выйдем на свежий воздух и немножко поболтаем.

Вместе с мамашей, которая по ходу дела успела представиться Любовью Иннокентьевной, они потащили Веронику на палубу, продолжая говорить без умолку. Влажные речные сумерки уже окутали теплоход, на воду лег туман, по берегам тут и там начали зажигаться огни.

– Вот как все замечательно получилось, – не обращая внимания на окружающую их красоту, продолжала приговаривать Любовь Иннокентьевна. – А ведь вы могли бы и вообще не попасть на теплоход. Хорошо, что у Генчика глаз-алмаз. Он сразу понял, что вам нужна наша помощь.

– Вы были очень, очень добры, – пробормотала Вероника с некоторым сомнением в голосе. Она не чувствовала уверенности в том, что погрузка на теплоход ее действительно осчастливила. – Так приятно знать, что есть люди, которые просто так, по доброте душевной, могут протянуть руку помощи.

– Я с вами за ночь как-то сроднился, – смущенно признался Генчик. – У меня смена под утро закончилась. Я домой уже не поехал, а попросил сменщика подвезти меня до вокзала. Я вас не сразу заметил-то, на лавочке. Вокруг уж больно много народу мельтешило: студенты в плавание собрались – ей-богу, целый институт! Уж они галдели, уж они хохотали. Песни пели под гитару. А вы все сидели и дремали. Мы с мамулей начали вас опекать, когда вы еще в себя не пришли.

– Вы просто добрый самаритянин.

– Профессия обязывает, – сказал Генчик и развел руками.

– А кто вы по профессии? Врач?

– Таксист, – ответил тот задорно. – Вот все время приходится проявлять доброту, что ты будешь делать.

Если бы Веронику попросили перечислить профессии, представители которых отличаются особой добротой, таксисты не вошли бы не только в первую десятку, но и в первую сотню.

– Ну да? – удивилась она и втянула живот, чтобы пропустить мимо себя двух девушек, довольно целеустремленно шагавших непонятно куда.

– Да. А что вы думаете?

– На днях он попугая спас, – сообщила его мамуля с ноткой хвастовства в голосе.

– Сел, подлец, прямо на капот, – подхватил Генчик. – И сразу нагадил. Другой бы на моем месте дворники включил и еще бы омывателем для стекол побрызгал, чтобы шугануть.

– А он его поймал, потратился на клетку, на корм, – подхватила Любовь Иннокентьевна.

– Я подумал: вороны ведь заклюют скотину разноцветную! Принес домой, хоть и не люблю я пернатых.

– Зачетный поступок, – согласилась Вероника.

– Это еще не все. Паразит пару суток сидел, нахохлившись, потом успокоился и как пошел разговаривать! И так, между делом, адресочек называет – улица, дом, квартира. Ну, поехал я после смены – так, проверить на всякий случай. Звоню в домофон, говорю: попугай не у вас улетел? Там сразу крик, шум, слезы, кто-то в обморок упал. По всему выходит, я их домашнего любимца спас. Ну, смотался домой, привез, полчаса наблюдал, как волнистого говорилку хозяева всем

семейством обцеловывали. Даже денег за клетку и за хлопоты не взял с них. Разве не доброе дело?

У Вероники, которая постоянно смотрела в интернете ролики о спасении животных, неожиданно защипало в носу. Она повернулась навстречу ветру, на который можно было списать набежавшие на глаза слезы.

– Я в этом месте тоже все время плачу, – мгновенно разоблачила ее Любовь Иннокентьевна. – А вас и вправду Николь зовут? Мы в паспорте видели. Красивое какое имя, просто цветочек, а не имя.

– Ну, мое-то имя вы уж точно запомнили, – Генчик хмыкнул в усы, которые почти целиком съели всю улыбку.

– Слушайте, а не хотите спуститься на нашу палубу и посидеть в баре? – неожиданно встрепенулась Любовь Иннокентьевна. – Выпьем за знакомство по коктейльчику…

– Мамуль, – предостерегающе нахмурился Генчик.

– Ну, ты же со мной. Не дашь мамочке слететь с рельсов, правда? – хихикнула та. – И за бедняжечкой нашей приглядишь. За вами нужно приглядывать, а?

– Только за тем, чтобы я водку не пила, – покаянным тоном ответила Вероника. – Иначе все будет очень плохо. Очень, очень плохо.

– Плохо? – не поверил Генчик. – Тогда зачем же вы ее вообще пьете? Коль знаете, что потом будет так хреново?

– Дело вот в чем, – доверительно понизила голос Вероника. – От водки мне становится хорошо. Так хорошо, что я начинаю совершать всякие глупости. И тогда всем окружающим становится плохо. И я, конечно же, водку в рот не беру, не сомневайтесь. Но…

– Бывают ситуации, Генчик, – встряла Любовь Иннокентьевна, – когда начинаешь с какого-нибудь невинного грушевого ликера, а потом все как-то выходит из-под контроля.

– Ладно, я понял, за всеми нужно следить, – смирился со своей участью Генчик.

Вероника неожиданно подумала, что рядом с этими славными людьми чувствует себя совершенно свободно и раскованно. Ничего страшного не будет в том, чтобы отправиться с ними в бар в трениках и наесться до отвала. Они точно не будут шокированы.

– Решено, – заявила она, хлопнув ладонью по перилам. – Ждите меня в баре, я скоро спущусь, только переоденусь во что-нибудь удобное.

– Да-да, и кофточку сверху накиньте, начинает холодать, – подсказала Любовь Иннокентьевна.

Развернувшись, чтобы идти в свою каюту, Вероника наткнулась взглядом на мужчину, который сидел неподалеку от них в шезлонге. Казалось, он спал – ноги вытянуты, голова свешивается на грудь. Солнце давно уже село, но он до сих пор не снял ни темные очки, ни кепку с длинным козырьком. Вероника подумала, что он дремлет, и, проходя мимо, собиралась уже переступить через его длинные ноги. Но тут мужчина неожиданно быстро подобрал их, и сразу стало ясно, что он не спит.

Замешкавшись от неожиданности, Вероника скосила глаза на незнакомца и заметила, что одна штанина у него задралась, а из-под нее выглядывает покрытая темными волосами лодыжка.

«Какие волосатые ножищи, – хихикнула она про себя. – Да еще и татуировка, надо же. У мужика на ноге маленькая роза – жуть. Вот ведь пижон!»

Пижоны Веронику никогда не интересовали. Добравшись до каюты, она первым делом стянула чертову юбку, потом блузку и позвонила Николь. Та откликнулась мгновенно, как будто не выпускала мобильник из рук.

– Ну, как все прошло? – немедленно поинтересовалась подруга.

– Отлично, – соврала Вероника. – Хотя мне здесь и непросто.

– Чего тебе может быть непросто? Судя по тому автопробегу, в котором я немножко поучаствовала, ты железная девушка. Никогда не думала, что быть репортером так противно.

– Я умею преодолевать бытовые трудности, – согласилась Вероника. – Но это… Это совершенно другое. Все эти звезды женского бизнеса… Я среди них как булыжник среди алмазов. Ну, может, не булыжник, а аметист. Или малахит.

– Слушай, ну что ты несешь? Какой булыжник? Какой аметист? Платье тебе подошло?

– Оно мне подошло, а я ему нет, – вздохнула Вероника. – И вообще одежда – это на данный момент самая большая проблема. Я даже теоретически не представляю, как можно быть такой тощей, как ты.

– Стройной, – засмеялась Николь. – Кстати, не вздумай есть на ночь. Ты там с кем-нибудь познакомилась?

– Да, с одним таксистом. Это он помог мне погрузиться на теплоход. Судя по всему, он воображает себя Человеком-пауком, спасающим бестолковых граждан от разных бед. Добрые поступки – это его суперсила. Как сделает что-нибудь доброе, так сразу заряжается позитивом на месяц вперед. Я для него все равно что попугай.

– Какой попугай? – опешила Николь.

– Ой, это долго рассказывать.

– Я имела в виду, какой таксист? Ты с кем-нибудь нужным познакомилась на семинаре?

– Так, кое с кем. Например, с коучем, которая пробуждает в людях силу воли. Она ходит во всем белом, винтажном, пахнет кокосовой стружкой и называет себя Рафаэлькой.

– То есть ты не сидишь там отдельно от всех, как сова на ветке, и не грызешь ногти от волнения? Это уже плюс.

– Слушай, я все же журналистка, а не банщица, – возмутилась Вероника. – Хотя банщицы тоже бывают на диво сообразительными… Но меня жутко раздражает вся эта манерность, все эти цирлих-манирлих. Здесь никто ничего не говорит просто так, не называет вещи своими именами. Если платье, то не просто зеленого цвета, а цвета мякоти авокадо. Не веник, а метла натуральная сорго люкс. А эти жуткие ботинки, которые они надевают к шелковым юбкам? Я всегда думала, что они называются говнодавы, а они, оказывается, «мартинсы». Я бы смирилась, будь все эти девицы гламурными дурами. Но они, блин, такие умные, что аж оторопь берет. У всех по два или три образования, какие-то дополнительные курсы, куча дипломов…

– Твое эмгэушное образование стоит всех их дипломов и курсов вместе взятых, и ты это отлично знаешь. Так что не валяй дурака и соберись, душа моя, – приказала Николь. – Не я виновата в том, что ты очутилась на этом корабле.

– А кто виноват? – тут же отбила подачу Вероника. – Ты думала об этом? Обо всей нашей ситуации?

– Конечно, думала. Но ничего не придумала.

– Все началось в Кипелкове. Именно там нам подсыпали какой-то дряни в лимонад. Ты Маринке звонила?

– Ты что? Зачем это? – возмутилась Николь. – У человека свадебное путешествие, они с Костиком бродят по заповедникам Ботсваны, фотографируются со слонами, и тут мы такие: «Привет, душа моя, ты не знаешь, кто мог усыпить нас на твоей свадьбе?»

– Да, точно, ты права. Не надо ей пока звонить. Но так трудно находиться в неведении. А вдруг это случится снова? Мне совсем не понравились последствия. Отвратительное чувство – во рту какая-то дрянь, тело свинцом налито…

– Лучше не напоминай, – простонала Николь.

– Слушай, мне хочется пообщаться с тобой лицом к лицу. Ты можешь набрать меня в скайпе?

– Как только доберусь до дома. Отмоюсь немного и сразу наберу. Все, до скорого!

Вероника хотела спросить, на чем она добирается и как долго надо ждать, но подруга уже отключилась.

Из опущенного окна потянуло прохладой. Вероника покопалась в чемодане и в конце концов нашла толстовку – теплую и длинную, но такую узкую, что она едва сходилась на животе. Вероника твердо решила, что не станет больше беспокоиться о своем внешнем виде, и правильно сделала. Потому что путешественники, набившиеся в бар на нижней палубе, были одеты кто во что горазд, и никому не было никакого дела до ее глупой толстовки.

Вероника остановилась в дверях и обежала глазами публику.

«Интересно, а тот пижон с розой тоже здесь? – неожиданно для себя подумала она. – Узнала бы я его без темных очков? Нет, вряд ли, я ведь видела его всего несколько секунд».

Огромные окна открывали прекрасный вид на реку. На улице совсем стемнело, и позади теплохода теперь лежала тяжелая черная лента воды, которая ловила все попадавшиеся на пути огни и утягивала их на дно. Веронике сразу же захотелось отправиться на палубу и полюбоваться всей этой ночной красотой, но Генчик уже заметил ее со своего места и помахал рукой.

– Садитесь, дорогуша, – заворковала Любовь Иннокентьевна, когда девушка подошла к их столику. – Я так рада, так рада, что вы про нас не забыли. Можно нескромный вопрос? – спросила она, едва Вероника успела опуститься на свой стул. И тут же, не дожидаясь разрешения, продолжила: – Вы замужем или, может быть, собираетесь?

Без своей фантастической накрахмаленной шляпы Любовь Иннокентьевна выглядела добродушной тетушкой. Волосы у нее были каштановыми, она завила их крутыми кольцами и залила лаком. Ее прическу не смог бы разрушить не то что легкий бриз, но даже и ураганный ветер.

– Не замужем и точно не собираюсь, – охотно ответила Вероника, сделав ударение на слове «точно».

– Эй, вы только не подумайте, что мамуля собирается вам меня сосватать, – хохотнул Генчик, оценив строгое выражение ее лица. – Она просто любопытная.

– Да-да, деточка, я никогда не сводничаю, – подхватила его мамаша. – Тем более что у Генчика уже был один брак, так что мы оба научены горьким опытом. – Она тяжело вздохнула. – А вы такая… такая особенная девушка, я еще в порту заметила.

– Да чем же это я особенная? – с напускной веселостью, но не без внутреннего драматизма поинтересовалась Вероника. Она постоянно помнила, что лишь играет здесь роль деловой девушки, а на самом деле абсолютно чужая на этом празднике жизни. Неприспособленная, не пристроенная… Безработная.

Любовь Иннокентьевна наклонилась к ней и заговорщическим тоном ответила:

– У вас, дорогая моя, чертики в глазах. А это, поверьте мне, редкость в нашем равнодушном и бесстрастном мире.

– Чертики? – опешила Вероника.

– Ну да, – подтвердила почтенная дама. – Я всегда проверяю человека, заглядывая ему в глаза: есть чертики или нету?

– И что это означает? – окончательно развеселилась Вероника, решив, что ее собеседница уже приложилась к грушевому ликеру. Она-то думала, что ее похвалили за принадлежность к миру бизнеса, а оказывается – за чертиков в глазах. Однако мамаша Генчика казалась совершенно серьезной.

– Когда-нибудь вы поймете, – сказала она убежденно. – Когда будете оглядываться на свою жизнь.

«Надеюсь, это произойдет еще нескоро», – подумала Вероника, устремив взгляд в темноту за стеклом. Любовь Иннокентьевна подозвала официанта и заказала безалкогольный мохито, а Вероника – бутерброд с ветчиной и кофе. После скудного ужина она чувствовала себя голодной, поэтому собиралась попросить два бутерброда, а может, даже три. Но предостережение Николь и воспоминания о тесной юбке ее остановили.

– Значит, вы не хотите жениться? – вернулась она к разговору с Генчиком.

– Жена имеет на мужа слишком большое влияние, – авторитетно заявил тот. – А это не всем по нраву. Вот был у меня случай. Забираю клиента от ресторана. На минуточку – два часа ночи. Выводят его друзья – прилично одетые люди, я бы даже сказал, при параде. Дорогие костюмчики, часы, то да се. Платят вдвойне, просят доставить товарища по такому-то адресу.

Пока я его вез, товарищ на заднем сиденье вырубился. Нахожу нужный дом, останавливаюсь возле указанного подъезда, открываю дверцу и начинаю его тормошить. Он ни в какую не встает и не шевелится даже – не храпит, не бормочет, слюни не пускает. Лежит, как мертвый. Я испугался было, но потом послушал – нет, дышит полной грудью. Но не просыпается, подлец, хоть ты что делай.

Генчик рассказывал аппетитно, как умеют, пожалуй, только таксисты. Вероника против воли заинтересовалась, даже на какое-то время забыла про свой бутерброд. Любовь Иннокентьевна, которая наверняка уже сто раз слышала эту историю, с лучезарной улыбкой маленькими глоточками попивала мохито.

– В общем, что я только не придумывал – колол его булавкой, щекотал, обливал морду холодной водой… Все без толку. Плюнул, нашел у него в кармане паспорт, узнал номер квартиры, звоню в домофон. Отвечает женщина. – Генчик ухмыльнулся, показывая, что сейчас будет самое интересное. – Я ей объясняю ситуацию. Привез, говорю, вашего мужа, но не могу его разбудить. Она отвечает, что сейчас спустится.

Действительно, проходит пара минут, открывается дверь подъезда, появляется маленькая худенькая такая женщина, подходит к открытой дверце, откуда торчат ноги ее благоверного, и очень тихим, зловещим даже голосом говорит:

– А ну-ка быстро встал и пошел домой.

Вероника засмеялась. Генчик, вдохновленный этим смехом, наклонился вперед и радостно продолжил:

– И можете себе представить, что эта сволочь, которую я полчаса безрезультатно тряс, которую щипал и на которую орал в голос, немедленно восстает из мертвых, выбирается на улицу и, покачиваясь, отправляется на своих двоих к двери подъезда. Я был потрясен!

– Забавная история, – сказала Вероника, не сдержавшись и облизав пальцы. Бутерброд оказался вкусным, но маленьким.

– А вы говорите – жениться, – подытожил Генчик. – Как только женишься, сразу попадешь в рабство.

– Мужья тоже бывают рабовладельцами, – ради справедливости заметила Вероника.

Они начали рассказывать друг другу всякие забавные случаи из жизни. У Вероники, постоянно мотавшейся по командировкам, их было не меньше, чем у матерого шоферюги. Но вскоре Любовь Иннокентьевна начала клевать носом, и компания сама собой распалась. Генчик увел свою мамулю спать, а Вероника осталась. После долгой внутренней борьбы она все-таки решила попросить для себя еще один бутерброд и тут с удивлением узнала, что еда в баре закончилась. Остались только шоколадки, пирожные и пломбир. Сладкого не хотелось абсолютно. «Поднимусь-ка я теперь на шлюпочную палубу, – решила она. – Вдруг там еще не все слопали?»

Обстановка в баре на шлюпочной палубе разительно отличалась от той, что царила внизу. Здесь играла живая музыка, и шикарная певица в красном платье и длинных черных перчатках исполняла арии из мюзиклов Эндрю Ллойда Уэббера. За роялем сидел энергичный музыкант во фраке, он то и дело встряхивал головой, отчего его длинный чуб мотался слева направо и обратно. Бар оказался забит до отказа, и, несмотря на дверь, распахнутую прямо в безлунную ночь, в нем было невыносимо душно.

– Николь Чаева, – позвал кто-то требовательным тоном. – Идите сюда.

Вероника повернулась на голос и увидела Аду, которая сидела у окна в компании Рафаэльки и корабельной сосны Надежды. «Почему она вместе с моими соседками по столу? – раздраженно подумала Вероника. Ей казалось, что Ада выбрала этих девушек не просто так. – Сейчас начнет выпендриваться,

поесть нормально не даст. Чего она вообще ко мне прицепилась? Возможно, чувствует какой-то подвох? И задумала меня разоблачить? Надо держать ухо востро».

Когда Вероника подошла и пожелала всем доброго вечера, Надежда окинула ее изумленным взглядом и спросила:

– Что это на тебе надето?

– Ну, так, – неопределенно ответила Вероника, усаживаясь на свободное место и стараясь не встречаться с Адой глазами. – А что такое?

– Зашквар, – ответила та. – Вот что это такое.

– Здесь можно заказать что-нибудь поесть? – спросила Вероника, которая, несмотря на всю свою репортерскую закалку, в присутствии всех этих деловых леди чувствовала себя не в своей тарелке.

– Поесть? – хором спросили Надежда и Рафаэлька. – Мы же недавно ужинали.

«Это вы ужинали, – хотела ответить Вероника. – А я только делала вид». Но вслух сказала важным тоном:

– Мне доктор прописал есть строго через два часа.

– По блату, что ли, прописал? – хохотнула Надежда и помахала рукой официанту. – Ну и выпить чего-нибудь закажи. Вот, винная карта, выбирай, чего твоя душа пожелает.

Душа Вероники откровенно желала съестного. Что касается выпивки, то она решила ограничиться коктейлем «Морской дьявол», состав которого тщательно изучила. Убедившись, что там нет водки, Вероника уверенно указала пальцем на фотографию в меню. И еще добавила для верности:

– Сэндвич с курицей и коктейль «Морской дьявол», пожалуйста.

Проглотив сэндвич, Вероника разболтала в коктейле лед, потом прямо с кожурой разжевала кружок апельсина, надетый на бортик бокала, и довольно быстро разделалась с самим «дьяволом». Все это время Ада с любопытством поглядывала на нее, хотя и делала вид, что слушает пение девушки в красном.

– Николь, у вас есть аккаунт в «Инстаграме»? – неожиданно спросила она не без некоторого лукавства.

«Ага, – подумала Вероника, – вот в чем дело. Она полезла в соцсети посмотреть, что за зверь этот «Люксовый английский», и везде натыкалась на фотографии Николь».

– Конечно, есть, – ответила она. – Им занимаются мои помощницы. Нанимают моделей для рекламной съемки. Там везде не я, а модели, понятно? А у вас?

– Я веду блог, – Ада высокомерно повела бровью. – Придумала потрясающий ник: «Всадница без головы». Даже не знаю, почему мне пришло в голову такое удивительное название.

– Наверное, где-то слышали, – невозмутимо заметила Надежда, которая пила куантро и закусывала его крохотными пирожными.

– Боже, ну где я могла такое слышать, – раздраженно повела плечиком Ада. – Меня просто осенило, вот и все.

– Вообще-то сначала осенило Майн Рида, – решила просветить ее Вероника. – Это случилось во второй половине девятнадцатого века. Один из самых известных его романов называется «Всадник без головы».

Вместо того чтобы удивиться, Ада фыркнула, как кошка, которой дали понюхать одеколон.

– Я не читаю художественную литературу. Мне хватает книг по бизнесу и саморазвитию. Я училась скорочтению и теперь способна прочитать, проанализировать и отрецензировать две книги в день без отрыва от основной работы. Чему-то учиться гораздо интереснее, чем читать всякие бессмысленные выдумки.

– Вот прямо сейчас Майн Рид в моем лице на вас обиделся, – сказала Вероника, которая обещала себе держать язык за зубами, но не сумела вовремя остановиться.

– И пусть. Художественная литература – это как десерт после основных блюд. Не все любят сладкое. И десерт вообще необязателен. То есть художественная литература по большому счету не нужна. Вот зачем она нужна?

– Без художественной литературы ты вырастешь сволочью, – коротко ответила Вероника.

– Я уже выросла, – пренебрежительно заметила Ада.

– И без чувства юмора.

– По-вашему, все неграмотные люди сволочи?

– Они друг другу сказки рассказывают. Устное народное творчество называется. Та же художественная литература, только в профиль.

Тут Веронике показалось, что в баре стало в два раза жарче, чем было вначале, когда она только пришла. Неужели ее так раззадорила пикировка с Адой? Стащив с себя толстовку, она обмахнулась ручкой, но ничего не помогло, и тогда она решила, что надо срочно выбираться из этой духоты. Приподнялась со стула и почувствовала, что тело с каждой секундой становится все легче. Вот оно стало почти невесомым, а ноги если еще и касались пола, то только самыми мысочками. Ей было невероятно хорошо, и от этого хотелось смеяться. А еще хотелось найти того типа с татуировкой, припасть к его груди и страстно поцеловать. А потом пригласить на танец. Ох, наверное, «Морской дьявол» – забористая штука.

Когда она выпорхнула из бара и поплыла вниз по лестнице, душа ее пела. Гораздо громче, чем девушка в красном платье. Душа пела просто оглушительно! Спустившись на свою палубу, Вероника в замешательстве остановилась возле лестницы. Впереди лежал длинный коридор, застеленный ковровой дорожкой, где-то там, в самом конце, находилась ее каюта. Но в каюту ей не хотелось. Ей хотелось на палубу, где воздух, счастье, ветер! Ура!

С удовольствием поддавшись своему настроению, Вероника повернулась и быстро пошла направо к той двери, за которой гуляла ночь. Уже потянулась, чтобы нажать на ручку, как вдруг споткнулась и, нелепо взмахнув руками, полетела на пол. В тот момент, когда она падала, что-то тяжелое пролетело мимо ее лица, задев щеку. Щека загорелась огнем.

– Ах ты, зараза! – воскликнула Вероника. – Что ж так не везет-то, а?

Кое-как поднявшись на четвереньки, она некоторое время стояла, потирая рукой пострадавшие части тела, потом поднялась на ноги, сделала несколько неуверенных шагов к двери и замерла. В двери на уровне ее глаз торчал металлический дротик с желтым оперением. Вероника не раз играла в дартс и знала, что обычно спортивные дротики гораздо меньше по размеру. Несколько секунд она разглядывала странный предмет, потом схватила, как морковку на грядке, и дернула. Ей не сразу удалось вытащить его из рамы, а когда удалось, она уважительно взвесила его на ладони. Дротик был и в самом деле похож на тот, какой используют игроки в дартс, только больше и тяжелее. Металлическое жало ослепительно сверкало.

– Ничё се, – вслух сказала Вероника. – Что это за блин с повидлом?

Держа свою находку в одной руке, другой рукой она нажала на ручку двери и вывалилась на палубу. Снаружи было темно, холодно и безлюдно. Половина пассажиров сидела в барах, вторая половина спала в своих каютах сном праведников. Ледяной ветер налетел на Веронику и продул тело с головы до ног, будто на ней вовсе не было никакой одежды. Однако она не успела даже вздрогнуть, когда кто-то набросился на нее сзади, обхватил шею рукой и начал давить на горло – резко, сильно, безжалостно. Вероника хотела закричать, забила ногами, пытаясь вырваться, но у нее ничего не получилось. Нападавший, продолжая крепко держать ее за шею, с силой разжал ее пальцы, державшие дротик.

В эту секунда неподалеку раздались женские голоса.

– Ира, Ира, иди сюда! – звонко позвал один из них.

А второй шикнул в ответ:

– Тише ты, все спят давно!

Хватка тотчас ослабла, и тот, кто только что душил ее, отступил, а потом внезапно исчез, словно растворившись в воздухе. Вероника открыла рот и согнулась пополам. Воздух толчками входил в легкие, раздирая горло, словно наждак. Она провела рукой по щеке и почувствовала на пальцах что-то горячее и влажное. Кровь.

Страх обварил ее кипятком – сердце заколотилось так, что, казалось, еще немного, и пульс превратится в один тревожный гудок. Невидимые Ира с подругой, голоса которых спугнули нападавшего, негромко переговаривались неподалеку. Близость людей помогла Веронике справиться с приступом паники и отдышаться. Она изо всех сил вцепилась в металлические поручни и незрячими глазами уставилась в никуда. Теплоход медленно шел вдоль близкого берега, и всюду был лес – живой и страшный.

На верхней палубе громко засмеялись девушки, и Вероника, сбросив оцепенение, рванула обратно – к двери, за которой уютно горел свет. Легкой белкой взлетела по лестнице, ворвалась в бар и плюхнулась на то самое место, которое недавно покинула.

– Боже мой, что случилось? – ахнула Рафаэлька. – У тебя кровь на лице! – Она схватила салфетки, сделала из них ком и принялась тыкать этим комом Веронике в лицо.

– Упала в коридоре, чуть шею себе не свернула, – неизвестно зачем соврала та. – Даже не поняла, обо что поранилась.

Мысли носились в голове, как мухи в банке. Если она сейчас расскажет о том, что ее душили, поднимется переполох, она непременно окажется в центре внимания. Возможно, ее будет допрашивать сам капитан. Или служба безопасности. Должна же быть на теплоходе служба безопасности? «Я не просто провалю задание, которое дала мне Николь, я солью весь этот мини-конгресс. Недаром Ада смотрит на меня с такой тревогой».

– Как можно трезвой где-то шлепнуться? – раздраженно спросила Ада. – Тем более если всюду бегаешь в кедах?

– Именно трезвые и шлепаются, – равнодушно заметила Надежда. – С пьяными вообще ничего не случается. Они похожи на дождевых червей: даже если их разделить на две части лопаткой, они срастутся.

– Я сильно разодрала щеку? – спросила Вероника у всех сразу.

– К счастью, нет, – ответила Надежда. – Но я бы на твоем месте пошла в каюту и продезинфицировала рану.

– Так и сделаю, – пообещала Вероника. – Только сначала пропущу рюмочку. Для храбрости! А то ведь щипать будет.

Она потребовала сто граммов водки. Потому что знала, что водка откроет тоннель в другое измерение, где не будет страха, который в данный момент раздирал ее на кусочки. Там будут только веселье, радость и позитив, а все плохое сразу забудется. И тогда завтра о произошедшем можно будет поразмышлять без истерики.

Когда официантка поставила перед ней заветную рюмку, Вероника без раздумий и сожалений залила в себя водку, как истерички заливают валерьянку.

– Только не давайте мне пить еще, – попросила она новых подруг. – А то утром я буду похожа на чучело огородное. И испорчу вам все коллективные фотки.

Вероника надеялась, что такая угроза заставит Аду проявить бдительность и весь вечер следить за ее моральным обликом. Надеялась она зря. Ада не пожелала проявить характер и довольно быстро ретировалась. Однако Вероника даже не заметила ее исчезновения. Радость жизни накрыла ее с головой, и она позабыла буквально обо всем на свете.

* * *

Когда Вероника проснулась, оказалось, что даже просто открыть глаза – это тяжелый труд. Все тело ныло, а голова была похожа на чугунный горшок, который невозможно оторвать от подушки. Знакомые симптомы! «Я вчера точно напилась. Интересно, по какому же это поводу? Ничего не помню», – подумала она и, собрав волю в кулак, села на кровати. Сквозь шторки пробивался серый

свет, и было непонятно, утро сейчас или вечер.

В каюте все оказалось перевернуто вверх дном. Пустой чемодан лежал на соседней койке на боку, а все вещи из него были раскиданы по полу. Голубое кружевное платье имело пьяный вид, потому что висело на углу навесной полки, зацепившись за нее веревочкой с ценником. Возле двери в ряд стояло шесть пар обуви из чемодана, как будто вчера сюда вошли шесть Вероник и все сразу разулись. Прикроватный столик был похож на блюдо с ведьминским салатом, приготовленным из содержимого косметички, раскрошенной булки с изюмом, спутанных шнурков, гнутых гвоздей и цветных мармеладок.

– Мамочка моя, – пробормотала Вероника и тяжело сглотнула. – Кто это здесь порезвился?

Она наклонилась, чтобы поднять с пола стакан, и тут же отказалась от этой затеи, потому что в голове сразу взвыли пилы и застучали молотки. Вероника отодвинула занавеску и выглянула в окно. Река стала шире, с теплохода едва просматривался берег: бледно-серый, измазанный жидким туманом. Отыскавшийся с огромным трудом телефон показывал, что сейчас всего лишь шесть часов утра. Надо же было проснуться в такую рань! Еще можно спать и спать. Она затащила ноги обратно на кровать и натянула на себя одеяло.

Но сон даже не собирался возвращаться. Зато в голову полезли какие-то жуткие воспоминания о вчерашнем вечере. И наконец Вероника вспомнила, почему решила напиться. Да на нее же вчера напали! Покушались на ее жизнь, душили… Но сначала в нее швырнули дротик, который чуть не пробил ей голову!

Презрев стук в висках, бедолага вскочила с кровати и метнулась в ванную, перепрыгивая через препятствия на полу. Веронике хотелось немедленно посмотреться в зеркало, чтобы убедиться, что ей ничего не пригрезилось спьяну. Вместо привычного отражения она увидела чью-то косую рожу, измазанную помадой. Щеку ее украшала длинная царапина с запекшейся по краям кровью. На ухе болтался кусок лейкопластыря, вместо волос на голове красовался куст, который выглядел так, будто его рвали зубами собаки.

Отодрав пластырь, Вероника принялась плескать себе в лицо ледяной водой и плескала до тех пор, пока сознание окончательно не прояснилось. «Нет уж, я на такое не подписывалась, – лихорадочно размышляла она, уткнувшись носом в

полотенце. – К черту эту конференцию! К черту Аду и к черту мои рыцарские порывы спасти Николь. Надо немедленно драпать отсюда. Сегодня теплоход приходит в Тверь, там я и свалю с него. Надо только выяснить, во сколько точно мы прибываем в порт».

Все информационные листовки разносили по номерам или раскладывали возле кают. Вероника открыла дверь в коридор, увидела их на ковре и присела, чтобы поднять. Но не успела и руку протянуть, как соседняя дверь открылась, и появилась заспанная Надежда.

– Ты жива? – спросила она с мрачным любопытством. – Слава богу. Я боялась, мы тебя потеряем.

– В каком смысле? – Вероника, не вставая с корточек, подняла голову и чуть не завалилась на бок.

Надежда сделала широкий шаг и успела схватить ее за шиворот.

– Ты вчера так разошлась, что чуть было не отплыла на спасательной шлюпке обратно в Москву.

– Спасибо, что вы меня удержали, – пробормотала Вероника, отметив, что молотки в голове стучат немного глуше.

Надежда вошла вслед за ней в каюту и окинула взглядом обстановку, подбоченившись, словно уборщица, оценивающая фронт работ.

– Мы тебя не держали. Ты просто не смогла отодрать шлюпку от борта.

Вероника взяла в руки кружевное платье и поинтересовалась:

– Я что, надевала его?

– О да. С кедами.

– Я так и ходила с болтающимся сзади ценником?

– Нет. Ты приколола его на грудь. Кроме того, ты не ходила, ты скакала, как мармозетка.

– Скакала? – переспросила Вероника с ноткой недоверия в голосе.

– Диджей сориентировался и начал ставить только быстрые композиции. Персонал утверждает, что такой бомбической дискотеки у них не было ни разу за последние десять лет. Если честно, я думала, ты сегодня вообще не встанешь.

– Ада разозлилась?

– Она не все видела. Когда ты пошла вприсядку, наша звезда малодушно сбежала. Кстати, в разгар веселья ты просила отвести тебя в каюту и привязать к кровати. Ума не приложу, почему мы тебя не послушались.

– Ты не знаешь, это я здесь все так… перелопатила?

– Кто ж еще, – усмехнулась Надежда. – Кстати, полночи ты пела.

– Мешала тебе спать? – мрачно поинтересовалась Вероника, собирая одежду с пола.

– Конечно, мешала. Да еще какая-то парочка всю ночь шепталась и обнималась прямо под окнами. Как только не замерзли до смерти… Не пойду я сегодня утром на экскурсию по городу, а заберусь обратно под одеяло. И тебе, кстати, советую.

Когда Надежда ушла, Вероника приняла очень горячий душ, высушила волосы, промыла царапину и замаскировала ее тональным кремом. Потом начала наводить порядок в каюте. И только успела закончить, как позвонила Николь – сообщить, что вернулась в Москву.

– Как ты провела вчерашний вечер? – задала она вопрос, хуже которого просто и придумать было нельзя.

– В штатном режиме, – соврала Вероника, отодвинув телефон от уха и притворно зевнув.

Но поскольку Николь знала подругу как облупленную, то сразу почувствовала, что дело нечисто, и принялась забрасывать ее наводящими вопросами. Закончилось все разоблачением.

– Ты что, пила водку? – возмущенно воскликнула Николь. – Проверяй, блин, содержимое коктейлей. Бери меню и изучай. У бармена спроси, душа моя! Я прямо боюсь читать новости. Так и представляю заголовки: «По Волге плывет пароход, на котором происходят страшные события…» Или что-нибудь в этом роде.

– Слушай, кто такая мармозетка? – неожиданно спросила у нее Вероника.

– Маленькая обезьяна.

– Вон что… А я думала, мне сделали комплимент.

– Кажется, я напрасно на тебя полагалась. «Люксовый английский» после этого заплыва вычеркнут из всех важных списков. Из-за твоего пьянства я стану изгоем. Не понимаю… Ты же не напиваешься на ровном месте, что вдруг на тебя нашло?

Вероника вынуждена была признаться, что напилась от страха. Она рассказала Николь про дротик, про нападение на палубе, про охвативший ее после этого ужас.

– Если бы я случайно не споткнулась, – заключила она, – то железный штырь либо воткнулся бы мне в шею, либо пробил голову. Ни то, ни другое меня не радует.

– Какой идиот бегает по кораблю и швыряет в людей дротики?! – задохнулась от возмущения Николь. – Нужно было сразу же поднять тревогу.

– Я хотела, – призналась Вероника. – Но потом подумала, как отреагирует Ада, если я устрою публичные разборки. Лучше уж пьяное веселье, чем срыв всего

конгресса, согласись.

Николь согласилась и тут же задала вопрос, который терзал Веронику даже сквозь похмельный туман:

– Как ты думаешь, это может быть связано с нашим с тобой загадочным перемещением в пространстве?

– Надеюсь, что нет, – ответила она. – Железяка пролетела мимо моей головы с такой скоростью, что точно пробила бы мне череп, окажись он на ее пути. Но я не думаю, что это вот прямо покушение. Ведь если бы меня хотели убить, то убили бы еще в Кипелкове, после того как усыпили. Логично?

– Ну… – неопределенно протянула Николь.

– С убийствами обычно не затягивают, – веско добавила Вероника. – Тебя никто не пытался прикончить по дороге в Крым? Нет? Вот видишь.

– Погоди, душа моя, – перебила ее Николь. – Что мы вообще будем с этим делать? Нас на свадьбе кто-то угостил снотворным и вынес прямо с газона. Ты можешь себе представить, как это выглядело со стороны? Как вообще можно было такое провернуть на глазах у кучи народа?

– Насчет кучи ты преувеличиваешь. Кроме того, мы сидели как раз возле густых кустов, на улице уже стемнело. Я не удивляюсь, что никто ничего не заметил. Непонятно другое. Зачем это было сделано? Кстати, ты рассказала Богдану?

Богдан был сыном очень влиятельного бизнесмена, Леонида Медникова, который, может быть, и не попадал в списки «Форбс», но легко мог пошуршать парой миллионов в кармане. В сложных жизненных ситуациях поддержку влиятельного человека трудно переоценить.

– Нет, – ответила Николь каким-то кислым тоном. – Я тебе сразу не призналась, но на самом деле мы с ним немножечко повздорили.

Вероника сразу расстроилась.

– Вот надо тебе было! – с досадой воскликнула она. – Из-за чего хоть поругались?

– Непримиримые разногласия, – ответила Николь со вздохом. – Понимаешь, Богдану отец то одно предлагает, то другое, а он ничем не хочет заниматься. Мне бы его возможности, я бы горы свернула.

– И ты начала учить его жизни? – догадалась Вероника. – Вот же дурацкий у тебя характер. И почему ты думаешь, что знаешь все лучше других?

Николь снова вздохнула где-то там, в своей крохотной квартирке в Гольянове. Вероника представила подругу, растянувшуюся на диване и глядящую в потолок. Та любила валяться, разговаривая по телефону.

– Зришь в корень, – уныло согласилась она. – Богдан заявил, что я перешла всякие границы.

– И как же ты перешла? – не сдержала любопытства Вероника.

– Сказала, что он неправильно живет. Занимается всякой дребеденью, до сих пор не довел до конца ни один проект. А он ответил, что может экспериментировать сколько влезет, потому что у его отца полно бабла. То есть он крутой. А я сказала: «Богатый мужчина и щенок богатого мужчины – это две большие разницы». Вот тут он и слетел с катушек. Развопился, а потом хлопнул дверью и ушел. И с тех пор ни разу не позвонил.

– Ничё се, какая ты храбрая. Если бы мне такое сказали, я бы тоже ушла. И давно вы поругались?

– Нет, совсем недавно… Думаю, это конец. Раньше он с трубки не слезал, все ревностью своей изводил. А тут вдруг как отрезало.

– Ну, ты его здорово приложила, – Вероника поцокала языком. – Значит, к нему за помощью не обратишься. А что, если все рассказать дяде Боре? Ведь вся эта фигня началась в его доме… Я думаю, он рассердится, если узнает. Пусть пригонит каких-нибудь военных полицейских… Может, они разберутся?

– Прямо даже не знаю, – засомневалась Николь. – Мне кажется, лезть к дяде Боре, не предупредив об этом Маринку, как-то не комильфо. А рассказать ей обо всем по телефону – значит испортить свадебное путешествие. Ты же ее знаешь. Сейчас подхватит юбки – и домой, спасать подруг.

– А вернутся они с Костиком только через две недели, – пробормотала Вероника. – Слишком долго. Свидетели позабудут детали того вечера, а газонные поливалки смоют все следы.

Они еще некоторое время обсуждали случившееся и пришли к выводу, что нужно все-таки написать заявление в полицию. Но когда Маринка вернется, они соберут военный совет и попытаются сами выяснить, кто напоил их снотворным на свадебной вечеринке, переодел и поменял местами.

– Только в полицию я чуть позже схожу, ничего? – с тревогой спросила Николь. – Сейчас так устала, нет моих сил. Хочу принять ванну и просто тупо полежать под одеялом. И вот еще что. Я тут подумала… Вали-ка ты с этого теплохода. Плевать на конгресс, плевать на Аду. Я и без рекламы не пропаду. Поняла, душа моя?

– Я двумя руками «за», – обрадовалась Вероника. Она была страшно рада тому, что подруга в первую очередь заботится именно о ней, а не о своей карьере. – Мы скоро прибудем в Тверь, я скажу Аде, что вынуждена срочно вернуться в Москву. Сейчас соображу, на чем лучше будет добираться.

Закончив разговор, Вероника вздохнула с облегчением. Так, надо собирать вещички. Потом она пойдет позавтракать вместе со всеми, предупредит Аду о своем отъезде – и в путь.

Тут она неожиданно заметила, что окно каюты наполовину опущено. «Храбро, – похвалила себя Вероника. – Оставить окно открытым после того, как тебя чуть не придушили. Хм. Если кто-то в самом деле задумал меня прикончить, почему не повторил попытку этой же ночью, когда я пьяная спала беспробудным сном? Ах, да. Надежда сказала, под ее окном молодежь устроила свиданку. В метре от моей каюты. Теперь все ясно».

Когда она, свежая и опрысканная дезодорантом, открыла дверь, под ноги ей упал сложенный вчетверо лист бумаги. Вероника подняла его, немедленно

развернула и увидела, что это записка, написанная от руки.

«Приношу Вам свои глубочайшие извинения за вчерашнее. Это вышло совершенно случайно. Просто несчастный случай. Простите, что набросился на Вас, я не должен был так поступать. Надеюсь, я не испортил Вам отдых своим поведением. Еще раз простите».

Вероника, которая только что дрожала от напряжения, немедленно сдулась, как шарик, у которого развязалась веревочка. Вернулась в каюту и села на кровать, держа записку перед глазами. Прочитала ее еще раз и воскликнула:

– Как можно было совершенно случайно схватить меня за горло?

Она стала прокручивать в голове вчерашнее ужасное происшествие. «Что, если какой-то тип ради развлечения бегал по пустому коридору и метал дротики во что попало? – думала она. – Не заметил, что я спустилась с лестницы, выскочил из-за угла и чуть не пробил мне голову. А потом напал, чтобы отнять улику. За горло держал для того, чтобы я не обернулась и не увидела его лицо». С ее точки зрения, все казалось вполне логичным. То есть такое могло случиться. Почему нет? Мало ли пьяных идиотов болтается ночью по теплоходу? Еще неизвестно, что она сама сделала бы с дротиком, попадись он ей в руки в неподходящий момент. Например, вчера после рюмки водки.

Короче говоря, записка изменила ее планы. У Вероники словно гора с плеч свалилась. Она тут же все перерешала, раздумала жаловаться капитану, раздумала ехать домой. А надумала после завтрака вместе со всеми участницами мини-конгресса отправиться на обзорную экскурсию по городу. Сегодня ей удалось подобрать для себя вполне сносный комплект – легкую длинную юбку, молнию которой она застегнула не до конца, тесную полосатую футболку и трикотажный кардиган с короткими рукавами, который удачно скрывал все безобразия.

Однако пока она перебирала и примеряла одежду, экскурсионный автобус уехал без нее. Расстроенная Вероника сошла на берег одна и решила, раз уж такие дела, просто прогуляться по набережной. Потолкалась возле киосков с сувенирами, купила расписной пряник и устроилась на скамейке, чтобы съесть его, наслаждаясь видом. Река лежала перед ней широкая и спокойная. Все рядом с ней замедлялось и делалось значительным. На другом ее берегу

раскинулся город, и солнце мягко расцвечивало все его сокровища.

Как жаль, что она сидит тут одна! Было бы здорово разделить свои эмоции с кем-то близким. Может быть, сделать серию красивых снимков и отправить друзьям и знакомым? Нет, не получится: хорошо, если она вспомнит хотя бы пару телефонов. Поддавшись порыву, Вероника достала из сумочки Николькин мобильный и внесла в список контактов номер своего отца. Как будто установила невидимую связь между ними. Еще немного поколдовала и выбрала подходящий рингтон – зажигательную индийскую мелодию. На душе как-то сразу потеплело.

Смотреть вдаль и ни о чем не думать было не в характере Вероники. Поэтому, дожевывая пряник, она принялась вспоминать все, что случилось с ней в последние дни. Первым делом мысленно вернулась ко дню Маринкиной свадьбы. И тут ее словно подбросило. Да ведь она начисто забыла об очень важной вещи – о своей рабочей сумке, с которой приехала из командировки! Сумка стояла в багажнике машины Святослава. Кто-то достал ее оттуда и отправил в Крым вместе с Николь. И Святослав должен знать кто. Недолго думая, она набрала знакомый номер. Уж его-то она точно знала наизусть.

Святослав ответил сразу же, а когда понял, кто звонит, радостно воскликнул:

– О, Ивлева! На ловца и зверь бежит. А с какого это номера ты мне звонишь?

– С запасного, – ответила Вероника, решив не вдаваться в подробности. – Пока буду пользоваться им, сохрани его в памяти. И что значит – бежит на ловца?

– Нет, погоди, что за запасной номер? Ты никогда раньше не запасалась левыми номерами.

– Это номер моей подруги Николь. У меня телефон разрядился, ясно?

– Ага, ну тогда я уж точно сохраню его в памяти, – хмыкнул Святослав. – С сыновьями миллионеров ведь знаешь как? Сегодня они тут, а завтра их уже нет.

– Тоже мне, психолог, – усмехнулась Вероника, в душе поразившись прозорливости бывшего коллеги.

– Слушай, Вероника, ты же у нас сейчас безработная, так? Есть шанс срубить немного деньжат, – не обращая внимания на ее хмыканье, сказал Святослав. – Если, конечно, тебе удастся разбудить свою фантазию.

– Излагай, – против воли заинтересовалась Вероника. Хотя вопрос про сумку так и плясал у нее на кончике языка.

– Один мой знакомый продюсер собирается запустить на кабельном канале цикл передач о классиках детективного жанра. Первая передача будет о Конан Дойле. Приятель мой замыслил сделать мультипликационные заставки для разбивки материала. Нужно придумать короткие сюжеты – секунд на десять-пятнадцать каждый. Чтобы было смешно или хотя бы забавно. Короче, несколько коротких мультиков про Холмса, чтобы народ улыбнуло. Можешь поучаствовать в тендере. У тебя вполне сносное чувство юмора.

– И сколько нужно заставок? – поинтересовалась Вероника с некоторым сомнением в голосе.

– Ну, ты сочиняй от души. А потом пришли все кучей. Ладно, целую!

– Да погоди ты, куда?!

– Ах, да! Это ведь ты позвонила. Чего хотела? Узнать, как я добрался до дома после свадебного кутежа?

– В том числе, – соврала Вероника.

– Вообще-то, Ивлева, ты свинья, – с удовольствием констатировал Святослав. – Я тебя вез в такую даль, потратил кучу времени, а ты бросила меня среди незнакомых людей и свалила. И с тех пор даже не поинтересовалась, где я и что со мной.

– Ты же не кисейная барышня. И я уверена, что ты из любой ситуации выйдешь победителем, – выкрутилась Вероника.

– Язык без костей, – вздохнул Святослав. – Даже не знаю, это профессиональное или врожденное.

– Слушай, я вот что хотела спросить: кто забрал из твоей машины мои вещи?

Вероника вся обратилась в слух, даже дыхание затаила. Возможно, прямо сейчас прояснится хоть что-нибудь.

– Какой-то рыжий парень в униформе. Сказал, ты решила остаться на ночь и попросила отнести сумку в комнату для гостей. А что? – немедленно возбудился он. – У тебя барахлишко украли?

– Ничего не украли, – ответила раздосадованная Вероника. Рыжего парня она и сама могла описать и даже опознать при случае. – Просто удивляюсь, почему ты отдал мой багаж невесть кому?

– Даже не знаю, что и сказать, – Святослав озадачился. – Тебя просят сделать самую обычную вещь… Ты берешь и делаешь. Я не знал, что должен чего-то остерегаться. Обстановка была не та.

– Ладно, я поняла, – разочарованию Вероники не было предела.

– Слушай, Ивлева, если ты вляпалась в историю, лучше скажи сразу. А то потом хуже будет.

Интересно, каким таким нюхом он чует, что у нее не все гладко? На одну долю секунды она испытала искушение сказать правду, но тут же передумала. Если Святослав почувствует репортерский азарт, еще неизвестно, каких он дров наломает.

– Успокойся, у меня все под контролем, – ответила Вероника бесшабашным тоном.

– Тогда пока, не забудь про Шерлока Холмса. У тебя дней пять максимум, – бросил Святослав и отключился.

Еще немного погревшись на солнышке и полюбовавшись видами, Вероника поднялась со скамейки и побрела обратно к теплоходу, который возвышался в отдалении. Он выглядел одновременно изящным и очень внушительным, а полосатая труба придавала ему праздничный вид. Впереди шел какой-то дядька

с булкой в руке. За ним семенила жена, причитая:

– Какой ты злой, Павлик! Уточкам хлеба не дал. Уточки, смотри, как ждали.

– Мне стольких уток нужно кормить! – раздраженно ответил Павлик. – Вот хоть тебя, моя кряква.

Вероника ухмыльнулась и тут же вернулась мыслями к собственному прокорму. Может быть, в самом деле поучаствовать в тендере? Но хватит ли у нее пороху? Придумать пятнадцатисекундный сюжет для забавного мультика – все равно что сочинить анекдот. Лучше бы Святослав предложил ей написать обычный «подвал» или подкинул редактуру.

Вероника еще раз оглянулась назад, на город, который так и не увидела толком, взошла по трапу на борт и с удовольствием оглядела интерьер вестибюля главной палубы – ковры, позолота, зеркала. Все было солидно и даже немножко пафосно, с буржуазным шиком. Сотрудница за стойкой, выдав Веронике ключ от каюты, любезно проинформировала ее, что в «Розовом салоне» открылась выставка фотографий, а на средней палубе работает магазин сувениров.

Вероника оживилась и сразу же направилась в магазин. Как она и рассчитывала, основную часть товаров составляли изделия народных промыслов. Здесь было все, чего только душа пожелает, начиная от расписных ложек и заканчивая лоскутными одеялами. Вероника купила себе толстую вязаную кофту с капюшоном, которую неведомая мастерица изукрасила узорами – такую теплую, что в ней можно было запросто перезимовать в лесу, – и мохнатые шерстяные носки. Она уже представляла, как после ужина отправится в этом прикиде на нос теплохода и наконец-то насладится путешествием. Будет стоять на палубе и дышать полной грудью. Раз уж судьба загнала тебя на корабль, плыви и радуйся, – примерно так она рассуждала. Кроме того, ей всегда хорошо думалось на свежем воздухе. Может быть, ее осенит и она действительно сочинит забавные сюжеты для мультиков.

После ужина Вероника сразу же улизнула в каюту, где закуталась в новую кофту, натянула капюшон на голову и засунула мобильный телефон в шерстяной носок. Потому что единственный карман кофты оказался крохотным и в нем поместился только ключ от каюты.

На верхней палубе желающих любоваться видами собралось довольно много. Кое-кто сидел на стульях, расставленных вдоль стены, но большая часть путешественников стояла на носу возле ограждения и смотрела вдаль. Вероника нашла свободное местечко и не без усилий втиснулась в зазор между этими впередсмотрящими. Пришлось сразу надеть капюшон, потому что ветер дул в лицо довольно яростно. Вероника набирала полную грудь этого ветра, а потом медленно выдыхала. Через некоторое время она заметила, что умиротворенно улыбается. Ее перестало лихорадить от беспокойства, мысли потекли спокойно, страх потихоньку отступал. «Рано или поздно вся эта история, конечно, прояснится, – думала она. – Надеюсь, в полиции от Николь не отмахнутся. Это мы с ней не знаем, что делать, а там точно знают».

Потом она переключилась на Шерлока Холмса и позабыла о времени. А когда вынырнула из своих мыслей, то заметила, что народ стал разбредаться по каютам. «Одна ни за что на палубе не останусь, – решила Вероника. – Рисковать – это одно, а вести себя как дура – совершенно другое». Она огляделась по сторонам. Позади нее на толстом пластиковом стуле сидела бабуся, закутанная в пледы, а в трех шагах слева возле ограждения стоял дед с седой бородой – в штормовке и смешных тренировочных штанах, которые были ему явно коротковаты.

«Вот дед уйдет, и я пойду», – решила Вероника.

Рестораны, бары и салоны закрылись до утра, и палуба погрузилась в полутьму. В воде что-то плеснуло. Вероника вытянула шею, пытаясь разглядеть, что там такое, но в этот момент старик сделал молниеносное движение и, подскочив к ней, схватил за запястье – сильно, словно стиснул клещами.

– Вы… Вы что? – ахнула она.

Сердце от страха провалилось вниз и исчезло. Прямо перед ней возникло лицо старика. У него был острый, птичий нос с трепещущими ноздрями и странно неподвижный взгляд.

Он резко нырнул вниз, обхватил ее за ноги и сделал сильный рывок, попытавшись перевалить через поручни. Однако Вероника одной рукой намертво вцепилась в ограждение, а другой начала тыкать ему в лицо.

– Отпустите меня! – закричала она, пытаясь разглядеть, что делает та бабуся, которую она видела сидящей неподалеку на стуле. Та спала, приоткрыв рот, и было ясно, что рассчитывать не ее помощь бессмысленно.

Старик, который так и не сумел выбросить Веронику за борт, теперь резко заломил ей руку за спину, заставив согнуться пополам, и зажал рот ладонью, чтобы она прекратила вопить. Уткнувшись носом в палубу, Вероника сначала увидела свои собственные кеды, а потом обутые в ботинки ноги старика. И тут перед ее глазами мелькнула маленькая черная роза! Та самая, которую она раньше заметила на ноге пижона в бейсболке.

Нападавший между тем повалил свою жертву на пол и схватил за горло. Вероника захрипела, пытаясь высвободиться, и в этот момент в ее носке невероятно громко зазвонил мобильный телефон. Он радостно распевал заводную индийскую песню, которая могла бы разбудить даже мертвого. И бабуся проснулась.

Вероятно, она сразу же правильно оценила обстановку, потому что сначала заквохтала, завозилась, пытаясь выбраться из своих многочисленных пледов, но, когда у нее ничего не вышло, внезапно завизжала.

Вероника почувствовала, как старик вздрогнул от неожиданности, а его хватка мгновенно ослабла. После этого, бросив Веронику, он вскочил на ноги и через пару секунд уже исчез в полутьме. Открылась и закрылась дверь дальше по борту. Нападавший исчез, будто его и не было.

Вероника лежала на спине, подогнув ногу, и пыталась прийти в себя.

Телефон в ее носке упорно продолжал петь свою жизнерадостную песню. Звонок был от отца – те самые индийские напевы, которые ни с чем не спутаешь. «Папа, ты только что спас меня от смерти», – думала Вероника, чувствуя, как слезы текут по лицу. Она все еще ощущала на горле ледяные пальцы типа с татуировкой, который совершенно точно собирался ее прикончить. Смерть стояла у него в глазах – темных, с ртутными разводами вокруг зрачков.

Бабуся, которой наконец-то удалось подняться со своего кресла, приблизилась к Веронике, наклонилась и стала тянуть ее за руки, причитая:

– Вот охальник, надо же! Ну, надо же! Ишь, чего надумал, старый барбос!

Ее голос помог Веронике справиться с оцепенением. Держась за металлическое ограждение, она кое-как поднялась на ноги и машинально принялась отряхиваться. Бабуся снова взяла ее за руку и потянула к двери.

– Пойдем, деточка, я тебя провожу. И не переживай, его поймают. Поймают и казнят, подлеца, вот увидишь. Где твоя каюта? Я тебя сейчас доведу, а потом позову начальников. Такой тарарам подниму, вот увидишь. А ты запрись хорошенько.

Очутившись в своей каюте, Вероника незамедлительно последовала ее совету и закрылась на замок. После этого захлопнула окно, опустила защелку и плотно задернула занавески. Натянула на голову капюшон, села на кровать и некоторое время бездумно смотрела в пол. Потом протянула руку и взяла записку, которая лежала на прикроватном столике. Развернула и прочитала ее еще раз. «Простите, что я на вас набросился». Вот ведь сволочь! Обманул ее, как школьницу.

Вероника снова подумала про то, что случайный звонок отца буквально выдернул ее из рук смерти. С отцом у нее в последнее время были нелады. Она сердилась на него за то, что он редко звонил и совсем не писал, за то, что обещал вернуться навсегда, но не приезжал даже на день рождения. Но теперь она вдруг поняла, что сердилась зря. Ведь она и сама точно такая же – ни дня на одном месте и вечно какие-то приключения. «Папочка, я никогда, никогда больше не буду на тебя злиться», – мысленно поклялась Вероника.

Тут она услышала снаружи, возле своей двери, знакомое квохтанье сердобольной старушки. А потом приглушенный, но строгий мужской голос сказал:

– Никуда ты не пойдешь, я запрещаю! Не нужно с этим связываться. Пусть сама разбирается. Если тебя этот тип потом по голове стукнет, я что, останусь один куковать?

Послышались возня, шепот, причитания, но через минуту все стихло.

«Никто ко мне не придет», – поняла Вероника. Сидеть в одиночестве и трястись от страха было не в ее характере. Поэтому, недолго думая, она постучала в стену соседней каюты, где теоретически должна была спать Надежда.

– Ты чего? – донесся до нее наконец ворчливый голос. – Опять напилась? Буянишь?

Вместо ответа Вероника постучала еще раз. И еще раз. Она добилась своего – Надежда вышла в коридор и начала дергать ручку двери.

– Кто там? – спросила Вероника опасливо.

– У тебя что, белая горячка? – прошипела ее соседка. – Открывай сейчас же.

Замок щелкнул, и Надежда возникла на пороге в розовой пижаме и шлепанцах. На голове красовалась смешная сеточка для волос, украшенная бантиками.

– Ну? – грозно спросила она. – Надеюсь, у тебя случилось что-то из ряда вон выходящее. Потому что я режимное существо и предпочитаю ночью спать, а не носиться по кораблю в поисках приключений.

С трудом выталкивая из себя слова, Вероника сообщила, что на нее снова напали. И, кажется, хотели убить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/galina-kulikova/ne-zhdite-menya-v-monte-karlo

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити